Владимир Лосев
Звездный разведчик

Владимир Лосев

Звездный разведчик

«Автор»
2006

Лосев В. И.

Звездный разведчик / В. И. Лосев — «Автор», 2006 — (Звездный разведчик)

ISBN 5-93556-674-5

Родной мир отверг Даниила Кромвеля в двенадцать лет, оставив только надежду и веру. Надежду на будущее и веру в умерших родителей. Судьба благоволит тем, кто верит и не теряет надежды, – и Данька выжил. И не просто выжил, а вырвался с постылой планеты. И стал звездным разведчиком. Он оплатил этот путь страхом и болью, потом и кровью, и наградой ему стали тайны Вселенной. Звездолеты и странные миры, люди-враги и нелюди-друзья, ужасные имперские десантники и злобные бандиты как в калейдоскопе закружились перед его взором, затянули, как водоворот. Но разве не так становятся мужчиной? Разве можно выйти за рамки обыденности, гуляя в соседнем парке?

ISBN 5-93556-674-5

© Лосев В. И., 2006
© Автор, 2006

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 23
Глава 3 42
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Владимир ЛОСЕВ
ЗВЕЗДНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Глава 1

Дымчатая короткохвостая ящерица пробежала по высокому бархану, оставляя за собой тонкую ниточку следов, и испуганно зарылась в горячий песок. Мертвую тишину, в которой можно было расслышать даже шелест осыпающихся песчинок, нарушил приближающийся рокот ракетных выхлопов. Прозрачное марево, поднимающееся с земли, закачалось.

Казалось, что вздрогнуло даже раскаленное добела солнце, застывшее на выцветшем голубом небе, даже редкие клочья белых облаков и те пугливо повернули в сторону.

Уродливые тени пронеслись с огромной скоростью над взрывающимися пылью песчаными холмами. Два звездных разведчика в боевых космических скафандрах, управляя ранцевыми двигателями, направлялись к самому центру пустыни.

– Как тут тихо и спокойно, – мечтательно проговорил один из них в микрофон. – У меня даже появилось желание построить здесь небольшой домик, чтобы дожить остаток своих дней. Жаль только, что в этих местах даже раскаленный воздух опасен для дыхания, гулять вечерами не получится. Я уже взмок, хоть кондиционер работает на полную мощность.

– Вечерами здесь как раз прохладно, а ночью даже холодно, – ответил второй разведчик, щелкая кнопками на клавиатуре, закрепленной на скафандре у левого локтя. – А насчет покоя… Кажется, начинают просыпаться, если засмотришься на местные красоты, старости у тебя, Пирс, уже не будет.

– Ничего же нет: ни дорог, ни домов, ни посадочных площадок, ни одного человеческого следа на песке. Ты мог ошибиться…

– Но не в этот раз. Мои датчики уже начинают регистрировать какую-то активность. Кажется, начинается… Вводи мою программу и включай автопилот.

В паре километров от них вверх взметнулся столбом песок, из него вынырнули башенки автоматических пушек. Одновременно в динамиках скафандров прозвучал суровый мужской голос:

– Люди в космических скафандрах, вы находитесь на запретной территории, немедленно покиньте ее или будете уничтожены.

– Удивляюсь тебе, Траст. Как тебе удается добираться до сверхсекретной информации?

– Переходим на другой канал, не хватало еще, чтобы все услышали такие интимные подробности моей жизни.

– Сделано.

– А я оставлю себе оба, вдруг что-то интересное скажут. Так вот, за мной гонялась еще со школы вся полиция Земли, они тоже недоумевали. Программу ввел? Сейчас посмотришь, как она работает, два дня над ней сидел…

– Ввести-то ввел, да только не уверен в твоих хитростях. Может, лучше как в старые времена, вручную?

– Не успеешь среагировать, пушки стали более скоростными, а будут еще и ракеты. Язык не прикуси, маневры будут немного резковаты.

В воздухе стали разрываться снаряды, автоматические пушки начали обстрел. Скафандры, подчиняясь программе, взмыли к блеклому небу, потом резко опустились вниз, так что песок заклубился от завихрения. Пирс выругался.

– Черт! Все-таки прикусил, правда, не язык, а губу.

– Я тебя предупреждал, а это только начало, чем ближе к цели, тем круче будут пике. А вот и ракеты…

Скафандры снова поднялись резко вверх, отклоняясь в сторону от стайки самонаводящихся ракет, и понеслись к вращающимся башням, изрывающим огонь. Снаряды рвались рядом, казалось, что еще мгновение, и их разнесет на куски. Но Траст, похоже, учел все, скафандры сделали еще один замысловатый пируэт и опустились в мертвой зоне.

– Ну что, продолжим или ты все еще сомневаешься в моей компетентности?

– Продолжим. – Пирс вырвал провода из управляющей консоли пушки и, подсоединив к своему компьютеру, начал вводить какую-то программу со своего компьютера. – Были пушки ваши, стали наши и стрелять будут только туда, куда мы разрешим.

Траст подключился к другой консоли, его задача была сложнее – он открывал ворота в ад. Песок поднялся и двинулся в сторону вместе с огромным люком. Пирс заглянул в глубокую шахту и восторженно присвистнул.

– Да тут целый город можно разместить. Будет где поразвлечься. Лазеры отключил? А другие ловушки?

– Что смог – убрал. А то, что находится внизу, мне отсюда недоступно…

– Выходит, если ты что-то не заметил, то отправимся на тот свет? – Пирс шагнул в шахту, отозвавшуюся урчащим эхом. – То есть все как всегда: на друга надейся, а сам не зевай…

Траст прыгнул за ним, не сводя взгляда с экрана компьютера. Оба затормозили у самого дна, поднимая густую пыль, и отключили двигатели. Здесь было намного прохладнее. В длинных пустых туннелях, расходящихся веером от центральной шахты, горели редкие лампы. Стояла густая тишина, нарушаемая сейчас шелестом песка, осыпающимся сверху.

– И куда сейчас? – спросил Пирс, рассыпая себе под ноги горсть небольших белых шариков. Траст защелкал кнопками.

– Прямо перед тобой блок «А», в нем находится охрана, за моей спиной блок «С», вероятнее всего наш друг там. Больше ничего не удалось узнать: ни сколько человек внутри, ни какие неприятности подготовлены для непрошеных гостей. Но как только влезу в систему, все станет ясно. На полу других ловушек нет, можем идти…

Пирс бросил еще горсть шариков на металлический пол, наблюдая за тем, как Траст прорезает небольшим лазером стену туннеля, подбираясь к управляющим кабелям.

– Мог бы и не портить стену, есть более легкие пути.

– А ты зачем здесь соришь? Или у тебя появилась новая привычка – метить свою территорию?

– Не о себе забочусь, а о тех, кто пойдет за нами, для них гостинцы. Не нравится мне это, а говорил, что все будет просто.

– Не так я говорил. – Траст подключил свой компьютер к серебристому кабелю. – Сказал, что будет как всегда, а значит, много шума и стрельбы…

– Это мне сразу было понятно. – Пирс зашагал вперед по туннелю, его голос гулко звучал в наушниках. – Слышу шуршание гусениц, три, нет, уже четыре боевых робота ползут по туннелю. Я пока с ними разберусь, а ты скачивай информацию, хотелось бы узнать больше об этом месте, а то еще заблудимся в городе и дорогу домой не найдем.

Траст просмотрел все, что появилось на его экране, и восхищенно присвистнул.

– И что тебя так порадовало?

Лампы в туннеле мигнули, где-то в глубине комплекса послышалось завывание сирены, потом освещение включилось на полную мощность.

Пирс перепрыгнул через первого боевого робота и, пользуясь тем, что датчики на мгновение потеряли его, содрал бронированной рукавицей обшивку, добираясь до консоли.

Из-за поворота, водя пушками из стороны в сторону, появилась еще одна боевая машина. Белые шарики, которые Пирс бросил на пол, взорвались, наполняя помехами пространство. Робот на мгновение замер.

– Две новости, и обе плохие…

Вой сирены усилился, потом из глубины туннеля послышались хлопки и скрежет.

– Выбери, какая из них хуже, с нее и начинай.

Пирс перепрыгнул с одного робота на другого, робот, которого он перепрограммировал, пополз вперед.

– У них тут связь по проводам, как в каменном веке, так что моя глушилка нам не помогла. Сигнал тревоги уже ушел на спутник.

– А вторая новость? – Разведчик закончил перепрограммирование второго робота и теперь, спрятавшись за изгибом туннеля, наблюдал, как выползают еще два робота…

– Подстраховывает охрану десантный звездолет, находящийся на орбите, с него сюда направляются три челнока, набитые под завязку десантниками, время подлета сорок минут.

– Успеем добраться до нужного блока?

– Вряд ли, роботы – только первая часть обороны, дальше нас ждет лазерная галерея, она работает автономно, отключить я ее отсюда не могу. Есть сенсорные мины, двенадцать бронированных дверей, захлопнувшихся после сигнала тревоги, три автоматические пушки, простреливающие коридор, но это уже по твоей части, и еще десяток ловушек, характер которых мне пока неизвестен. Подойдем ближе, скажу что-то более конкретное. Так что даже при всем желании не успеем, можно уходить. Говорил тебе, что это авантюра…

– Прорвемся, не в первый раз. – Пирс промчался вперед и, подкатившись под робота, начал его перепрограммировать. – Иди за мной, если десантники пойдут тем же путем, им придется бороться со своей боевой техникой, это даст нам еще минут двадцать. Считай, что мы проводим разведку боем. Лучше один раз увидеть, чем потом узнать, что в жизни все не так, как в твоих файлах.

Траст подхватил рюкзак со своим оборудованием и побежал следом, гремя металлическими башмаками скафандра. Пирс уже стоял у первой бронированной двери, задумчиво ее разглядывая.

– Открывается изнутри вручную, – прокомментировал его друг. – Сталь многослойная, с воздушными прослойками. Ковырять ее будем до утра, а десантники приземлятся через тридцать две минуты.

– Понятно. Ты мне всегда нравился за обстоятельность и глубину проникновения в проблему. – Пирс выдвинул консоли роботов и начал вводить новую программу. – Скажи, из чего сделаны стены и какой грунт за обшивкой?

Траст защелкал кнопками.

– Почва – глина и песчаник, туннель облицован стальным листом толщиной пять миллиметров.

– Пробиться можно…

Роботы открыли стрельбу из пушек по стене, минут через пять в ней образовалась вполне приличная дыра.

– Пойдем дальше как кроты, но, похоже, ты прав, не успеем. Нужно пробивать черный ход. Покажи мне направление до блока «С».

– У твоих роботов кончатся снаряды, прежде чем мы пройдем хотя бы сотню метров.

– Это точно, но у меня тоже кое-что припасено. – Пирс снял с плеч небольшую лазерную установку, закрепил ее на турели робота, и тот двинулся вперед.

– Тогда не хватит зарядки, – усмехнулся Траст.

– У меня три робота, буду их менять, один остается на подстраховке.

– А ты мне всегда нравился за то, что никогда не сдаешься.

Продвижение шло медленно, несмотря на то что почва была мягкой. Третий и последний роботы замерли не более чем в десятке метров от стены нужного им блока.

– Десантники уже здесь. – Траст посмотрел на экран. – Разворачиваются в боевое построение, с ними пять боевых роботов. Ух, какая красота! Твои пушки разворотили челнок и подбили одну боевую машину…

– А я рассчитывал по крайней мере на полчаса боя…

– Хорошо хоть это у тебя получилось, десантники теперь вынуждены отползать, чтобы подбить пушки ракетами. Ох, красота, еще двух роботов не стало, десантники ими прикрывались во время отступления.

– Надеюсь, что они им всех роботов подобьют, – пробурчал Пирс, задумчиво глядя на экран своего компьютера. – Не ошибиться бы с расстоянием…

– Три челнока, в каждом по два, минус пока три, прошу прощения, уже четыре. Двух пушек как не бывало, все… больше пушек нет.

– Жаль, хорошее было оружие. Эх, знать бы все заранее, я бы лучше подготовился.

– Это… в мой адрес?

– А в чей же еще?

– Вину признаю, но сделал все, что мог. Если бы ты меня не торопил, узнал бы больше…

– Интересно, сколько бы ты копался? Даже на то, чтобы выяснить, где прячут Зигина, тебе понадобилось почти пять лет…

– Против меня работали лучшие специалисты Земли. Ты, например, знаешь, что этой тюрьмы не существует?

– Точно не существует – одна иллюзия, – Пирс снял со спины сверток и стал не спеша его разворачивать, – но сделано достаточно добротно и красиво.

– Вот именно, эта тюрьма выдержит налет целой армии, и сбежать из нее невозможно. Если бы мне не попала информация о поставках продовольствия десантным базам, я бы никогда ее не нашел. Да и то до конца не был уверен…

– Это мне уже понятно. Жаль, дальше не пройдем, заряды кончаются. Скачивай информацию, какую можно, потом пригодится…

– Уже сделано, но у них тут свои хитрости. Основные данные в главном компьютере, а он к сети не подключен…

– Десантники спустились в шахту, идут за нами. Минут через двадцать будут здесь, твой робот их надолго не задержит. Кстати, знаешь, кто у них командир?

– И кто же этот счастливчик? – Пирс стал собирать длинноствольное ружье.

– Наш однокурсник Джонни – уже полковник.

– Тупица Джонни? Какая приятная и неожиданная встреча, давно хотелось его повидать, он мне как-то в баре зуб выбил, а на другой день меня отправили в дальний космос, так что рассчитаться не удалось.

– Поздравляю, скоро его увидишь, – Траст заметно нервничал. – Какие у нас дальнейшие планы?

– Будем уходить. У нас была всего одна попытка, и надо признаться в том, что она провалилась. Осталось только попрощаться с Зигином, и пойдем.

Пирс прицелился в стену, наводя ружье по экрану, и нажал спусковой крючок. Выстрел был оглушающим – несмотря на мощный тяжелый боевой скафандр, разведчика откинуло отдачей к стене.

– Что это такое? – спросил Траст, когда к нему вернулся слух. – И мог бы предупредить, что это будет очень громко, я бы чувствительность понизил.

– Предупредить не мог, первый раз испробовал. Небольшая пушка, но очень специализированная. Ею можно пробить все, даже сталь и бетон. К тому же можно калибровать ско-

рость, так что если я не промахнулся и не ошибся в расчетах, то пуля, а с ней и динамик с микрофоном сейчас лежат на полу в камере. Надеюсь, ты правильно разобрался в схеме?

– У них тут не подписано, кто и где сидит, так что можем попасть и к какому-нибудь тайному родственнику императора. А ты уверен, что не убил того, к кому мы так стремились?

– Зигин – разведчик. Не сомневаюсь, что сейчас он лежит где-нибудь в углу, с любопытством ожидая, чем все закончится.

– Друзья мои, – послышался в их наушниках чей-то усталый голос. – Вас ли я слышу?

– И мы тебе рады, Зигин, – рассмеялся Траст. – Как твои дела? Мы тут проходили мимо, решили заглянуть, а то ты даже не пишешь, совсем о нас забыл…

– Тихое местечко себе выбрал, – пробормотал Пирс, разбирая ружье. – Я уже решил домик здесь построить, чтобы отдохнуть на старости лет. Людей нет, тишина, покой, что еще нужно для счастья?

– Сколько у вас времени? – спросил Зигин. – Как я понял, дальше вы пройти не можете, а десантники уже на хвосте?

– Все правильно. Поболтать с тобой сможем по дороге домой, а вот вытащить в этот раз не получится. Плохо мы подготовились, да и кто знал, что тебя упрячут в такое место? Я бывал и в правительственных бункерах, оставшихся после Третьей мировой войны. Так вот они по сравнению с твоей тюрьмой всего лишь летнее бунгало. За что такой почет? Даже как-то завидно…

– Не завидуй, тюрьма есть тюрьма. А объяснять ничего не буду, иначе и вы здесь скоро окажетесь.

– Назови хоть имя того, кто тебя сюда засунул. – Траст посмотрел на экран. – Мы с ним разберемся…

– Зачем вам мои проблемы? К тому же до этого человека вы не доберетесь, слишком высоко сидит, придется воевать со всей империей.

– Ты же наш друг, нам без тебя скучно. В следующий раз подготовимся лучше, тогда и взорвем твою тюрьму. Воевать, конечно, плохо, но, если будет нужно, мы попробуем. Десантники робота в туннеле взорвали, больше их ничто не держит, нужно уходить, иначе в этой норе нас и поймают.

– Нам действительно пора. – Пирс ввел новую программу роботам, они медленно поползли обратно. – Мы уходим. Прости, что так получилось. Не ожидали, что здесь все так серьезно поставлено.

– Спасибо за попытку, друзья. – Пирс и Траст полезли обратно через нору в туннель, вслушиваясь в усталый голос– Приятно было с вами пообщаться. У меня есть к вам небольшая просьба…

– Подожди, Зигин. – Пирс достал из сумки на плече пульт. – Сейчас будет немного шумно. Траст, десантники в боевых скафандрах?

– С чего бы? Они же прибыли сюда поразвлечься, а не для встречи с нами. Скафандры легкие, адаптированные для сражений в пустыне, защита есть, но слабая. Шлемы, легкие респираторы…

– Замечательно, на это я и рассчитывал. – Пирс нажал кнопку. Шарики, разбросанные им по полу шахты и туннеля, взорвались, выбрасывая клубы газа. – Вперед! У меня еще кое-что есть в запасе, так что прорвемся.

* * *

Данька – худенький, невысокий двенадцатилетний мальчуган с голубыми глазами, яркими пятнами выделяющимися на смуглом лице, открыл дверь небольшого домика, затерявшегося на окраине огромного мегаполиса, и прокричал с порога:

– Мама, мне удалось достать немного еды. Я мыл посуду, и дядя Берд заплатил за работу продуктами…

Мальчик прошел по узкому темному коридору, заглянул в спальню и вздрогнул от неожиданности. Кровать была пуста, серая смятая простыня валялась на полу, а в воздухе остался стойкий запах обезболивающих лекарств, которые последнее время постоянно принимала его мать.

– Мама?!

Данька заглянул с испугом под кровать, ожидая обнаружить мертвое тело, лежащее на грязном полу, но никого не увидел. Он вздохнул с облегчением и побежал на кухню, но и здесь было пусто, только на пластике валялась ярко-желтая пластиковая кружка в лужице разлитой воды.

– Мама!!! – отчаянно закричал мальчик что было сил, уже ни на что не надеясь. Сердце его суетливо застучало. – Где ты?!

– Зачем кричишь? – услышал он за спиной усталый голос.

Еще нестарая женщина в выцветшем голубом халате вошла в кухню и, тихо простонав от подступившей боли, села на стул. Ее глаза, такие же пронзительно-голубые, как и у мальчика, смотрели твердо и даже немного сурово.

– Я испугался, – выговорил, чуть заикаясь от пережитого, Данька. – Пришел, а тебя нет. Вот принес немного еды.

Он положил на стол промасленный пакет, который все еще сжимал в вспотевших руках.

– Сядь, Даниил. Мне нужно с тобой поговорить…

– Ты куда-то ходила? Но тебе нельзя вставать, врач не разрешил…

– Это сейчас неважно. – Мать опустила голову, собираясь с силами, ее лицо побледнело. Губы были серые и потрескавшиеся, а под глазами чернели огромные круги.

– Но доктор сказал, что нужно лежать…

– Замолчи, Даниил. – Она выдохнула воздух и сморщилась от подступившей боли. – Дай собраться с мыслями. – Женщина выпрямилась и положила руки на стол; кожа на них была настолько тонкой и прозрачной, что легко различались даже мельчайшие сосуды. – Я должна тебе кое-что рассказать.

Мальчик открыл было рот, но женщина предостерегающе покачала головой:

– Просто молчи и слушай. Я скоро умру…

– Но мама…

– Молчи, не мешай мне, пожалуйста. – Лицо матери снова скривилось от нового приступа боли. – То, что я сейчас скажу, очень важно. – Она помолчала, собираясь с силами. – Не знаю, как сложится твоя жизнь. Вряд ли тебя ждет что-то хорошее. Надеюсь только на то, что тебе удастся каким-то невероятным образом выжить. Иногда случаются чудеса, и если ты хоть немного удачлив…

– Но мне всегда не везет, какая может быть удача?

– Трудно говорить, для этого требуется много сил, а их у меня почти не осталось, не перебивай, а то я так никогда и не закончу. Не такого будущего я для тебя хотела, но так получилось. – Женщина закашлялась.

– Ты не умрешь, мама, – быстро проговорил Данька, воспользовавшись паузой. – Я заработаю денег на лекарство, и все будет хорошо…

– Прошу тебя, помолчи…

– Обещаю, не скажу больше ни слова, если ты сейчас же ляжешь в постель.

– Хорошо. Только до кровати мне не дойти, очень устала.

– Я помогу. – Мальчик вскочил и, обняв женщину, повел ее в комнату. Она едва передвигала ногами, каждый шаг давался ей с трудом, на лбу выступили капли холодного пота.

Мама хоть и весила немного, но для Даньки и этот вес был непомерно большим. А она даже маленький порожек смогла переступить только после нескольких неудачных попыток.

Когда добрались до спальни, оба тяжело дышали. Женщина сразу легла, Данька прикрыл ее худенькое тело одеялом и сел рядом. Она долго переводила дыхание, прежде чем снова заговорила.

– Никогда бы не оставила тебя одного, но так получается. – Мать улыбнулась и непослушной рукой провела по Данькиным волосам. – Придется тебе выживать самому. К сожалению, твой отец сейчас сидит в самой охраняемой тюрьме Земли и оттуда никогда не выйдет. Он болен той же болезнью, что и я, и скоро умрет…

– Отец?! – Мальчик даже привстал от неожиданности, – У меня есть папа?

– Отцы есть у всех, даже у тебя, – грустно усмехнулась женщина. – Только так получилось, что он тебя никогда не видел, хоть и знает о твоем существовании.

– Почему так случилось, мама? Мой папа преступник? Убийца?

– Нет, Даниил, он хороший человек и никого не убивал. Просто так сложились обстоятельства. Больше ничего не могу тебе сказать. Не потому, что не хочу, просто это опасное знание, оно может погубить тебя.

– Но я должен знать хотя бы его имя. Обещаю, что никому не скажу.

– Надеюсь, ты все когда-нибудь узнаешь сам. – Мать тяжело вздохнула. – Возьми вот это. – Она протянула Даньке большой перстень из черного тяжелого металла со странными серебристыми вкраплениями. – Таких в империи всего два, одно – у меня, второе – у твоего отца. Нам их дали звери, чтобы мы могли открыть храм, только нам не удалось даже добраться до него…

– Какой храм? Какие звери?

– Помолчи, Даниил. – Лицо женщины скривилось от боли. – Мне трудно сосредоточиться. Очень больно. Никому и никогда не показывай этот перстень, кроме тех, кто нам его дал…

– А кто это?

– Даниил, прошу тебя, постарайся выжить, хоть знаю, что это будет невероятно трудно. – Мать побледнела еще больше. – Улетай с Земли в глубокий космос, там есть люди, которые помогут тебе, и, может быть, тебе удастся то, что не удалось нам…

– Но как я туда попаду, если мне всего двенадцать лет? – Мальчик даже заморгал от неожиданности. – В экипаж звездолета меня не возьмут, а место пассажира на корабле стоит так дорого, что и многим богачам не по карману.

– Ты улетишь, твой отец обещал, что устроит это…

– А как он это сделает, если ты сама сказала, что он сидит в тюрьме?

– Не знаю, Даниил, как это произойдет, но твой отец всегда выполняет свои обещания. Если сказал, что ты улетишь с земли, значит, так и будет…

– А куда?

– Потерпи, все скоро сам узнаешь. Покажи, что ты принес, есть хочется…

– Конечно, мама, – обрадованно вскочил с места мальчик. – Дядя Берд выбрал нам самую вкусную еду.

Он выскочил из комнаты, забежал на кухню, схватил пакет и метнулся обратно.

– Вот, мама. Тебе понравится, это хорошая пища, никакой синтетики…

Мать лежала не двигаясь, глядя на него пустыми мертвыми глазами.

Мальчик сначала даже не поверил своим глазам, он потряс ее за плечо, потом несильно ударил по щеке, но глаза так и остались пустыми, а свесившаяся рука упала на пол с глухим стуком.

Только что все было хорошо, мама говорила с ним, хоть до этого много дней молчала, и вдруг нет ее и не будет больше никогда…

Данька упал на колени, пытаясь согреть своим теплом остывающее тело, шептал что-то, плакал, заливая слезами рваный халат. Но часа через два тело стало окончательно холодным и чужим, и мальчуган понял, что чуда не произойдет, его мать и на самом деле умерла. Он поплакал еще немного, потом пошел на кухню. Там открыл пакет с принесенной снедью и, не ощущая вкуса, стал есть.

Так всегда учила мама: «Неважно, что с тобой происходит, главное, чтобы ты мог справиться с бедой, а для этого нужно быть в форме. Сначала поешь, а потом подумай, что необходимо сделать в первую очередь».

Мальчик налил в стакан воды и выпил. Вода была безвкусной и теплой и отдавала какой-то химией. Он взял тряпку и тщательно вымыл пол, подобрав желтую мамину кружку.

– Моя мать умерла. – Его голос странно звучал в пустой квартире, отражаясь от безликих стен. – Ее нужно похоронить, а для этого нужны деньги. У меня ничего нет, значит, нужно попросить. Только кого? Дядя Берд, больше в этом городе я никого не знаю…

После того как Данька произнес эту фразу, ему стало как-то спокойнее. Он выглянул в окно, уже стемнело, на улицах зажглись фонари.

– Нужно подождать. Утром все будет по-другому. Горе нужно заспать.

Это тоже были мамины слова.

Мальчик встал. Электричество отключили еще месяц назад, поэтому он достал старую масляную лампу и зажег фитиль, жуткие тени прятались за каждым предметом и тянули к нему длинные призрачные руки.

– Не надо меня пугать, и без вас страшно, – пробормотал он, прошел по пустому коридору и, войдя в комнату, сел на пол рядом с мертвой матерью.

– Мама, – позвал мальчик, хоть и знал, что ему никто не ответит. – Завтра я пойду к дяде Берду и попрошу его помочь. Прости, что не сразу сообразил. Думал, ты очнешься. А сейчас уже поздно. Мне будет трудно без тебя, уже сейчас не знаю, что делать…

Сидеть было неудобно, что-то мешало ему. Данька полез в карман, нащупал холодный перстень, который уперся в бок, и рассмотрел его в неровном свете лампы.

Металл был темным, с вкраплениями серебристых точек. В свете масляной лампы они загадочно мерцали, словно звездочки в ночном небе. А на печатке был выгравирован какой-то знак, напоминающий профиль собаки с желтыми яркими глазами и острыми длинными клыками.

«Наверно, очень дорогой. Если его продать, то можно будет оплатить похороны и прожить какое-то время. Но этого делать нельзя, вряд ли мама простит мне это, – подумал устало мальчик. – Интересно, а где она прятала его все это время?»

В доме было всего две комнаты и кухня, и он там знал все. Может быть, в квартире есть тайная комната, о которой ему ничего не известно? А в ней лежат деньги, которые так позарез необходимы сейчас?

Данька прошел по коридору и заглянул в чулан, он не надеялся там что-то увидеть, просто решил проверить на всякий случай. И очень удивился, увидев в потолке открытый люк, из которого свисала узкая деревянная лестница.

На пыльных ступеньках виднелись мамины следы. Мальчик недоуменно пожал плечами и поднялся наверх. В центре чердака стоял небольшой металлический ящик, загадочно поблескивавший в желтоватом свете лампы. Странной формы ключ торчал в замке.

Данька видел этот ящик и раньше, но он всегда был закрыт, а во время последнего переезда совсем пропал. Оказывается, все это время он был спрятан здесь, на чердаке.

Мальчик поднял металлическую крышку, под ней лежал небольшой мешочек из легкой серебристой ткани, который до сих пор пах маминими духами. Данька прижал его к груди. Боль в груди чуть ослабла, хоть по-прежнему жгла сердце.

Под мешочком оказался брусочек из темного металла. Когда мальчик взял его в руку, поверхность брусочка замерцала, и на ней проявилась надпись:

«Лучшему штурману боевой эскадрильи». Ниже был выбит пятизначный номер. Мальчик отложил брусок в сторону и взял в руку пластиковый жетон с теми же цифрами, на нем было написано: «Штурман боевого десантного звездолета, высший приоритет».

На дне ящика осталась только пластина из темного металла. Когда мальчик взял ее в руку, сбоку выскочило лезвие. Данька потрогал его, порезался и вложил нож в мешочек, который повесил себе на шею. Больше в ящике ничего не было. Он-то надеялся найти деньги, а не какие-то бруски, которые и продать никому не удастся.

Мальчик разочарованно вздохнул, спустился вниз, убрал лестницу и прикрыл люк. Его глаза закрывались сами собой, было уже поздно, обычно в это время он всегда лежал в кровати и видел первые сны.

– Горе надо заспать. – Он погладил мешочек на груди, вдохнув нежный запах маминых духов. – Тогда, возможно, завтра все покажется не таким безнадежным…

Это была долгая ночь, ему снились кошмары, собака на перстне ожила и гонялась за ним, желая съесть. Он никак не мог от нее убежать, она догоняла и рвала острыми длинными клыками его сердце.

Проснулся мальчик рано утром и, перед тем как выйти из дома, зашел в спальню к маме; тело совсем окоченело, лицо похудело и стало строгим и чужим.

– Я пойду к дяде Берду. – Данька погладил мать по твердой холодной руке. – Я ненадолго, только туда и обратно.

Улицы уже заполнялись машинами и людьми. Ревели моторы, пахло выхлопными газами, разогнать тяжелый смог не могло даже солнце, пробившееся между двумя небоскребами.

Дядя Берд стоял за стойкой и кормил завтраком первых посетителей. Увидев Даньку, он чуть улыбнулся толстыми добродушными губами:

– Ты сегодня рано пришел. Плохо спал? У тебя усталое лицо. Как мама? Надеюсь, ей сегодня лучше?

– Она умерла, дядя Берд, еще вчера, – запинаясь, проговорил мальчик. – Поэтому я и пришел так рано. Не знаю, что мне делать…

– Беда. – Хозяин вышел из-за стойки, вытер руки о фартук и, задумчиво пожевав толстыми губами, зашел в свой маленький кабинет. – Подожди немного, я сейчас.

Когда он вышел, лицо его было хмурым и задумчивым.

– Иди домой, малыш. Сейчас приедут люди из похоронного бюро и все сделают как надо.

– У меня нет денег, чтобы им заплатить…

– Не беспокойся об этом, оказывается, уже все оплачено. Похоже, нашелся кто-то из твоих родственников, о ком ты ничего не знаешь.

– Мама мне никогда не говорила, что у нас кто-то есть…

– Это сейчас неважно, поторопись, машина уже выехала.

Черный большой катафалк стоял возле дома, около него находились двое пожилых мужчин, безмятежно разглядывавшие прохожих. Когда Данька подошел к двери, они встрепенулись.

– Мальчик, скажи, в этом доме находится усопший? У нас записан этот адрес…

– Это моя мама умерла. Вы приехали правильно.

– Не повезло тебе. Родственники-то есть?

– Никого, мы одни здесь жили.

– Что ж, тогда все просто…

Мужчина махнул рукой своему напарнику, вдвоем они внесли пластиковый гроб в дом, уложили в него тело и погрузили в катафалк.

– Ты с нами? Мы едем в крематорий.

– А когда будут похороны?

– Сейчас и будут, – грустно усмехнулся пожилой работник. – Как я понял, денег у тебя нет, как и родственников?

– Денег нет, это правда.

– А из родственников только ты один?

– Да, один.

– Тогда по закону города мы обязаны сжечь тело в тот же день.

– Понимаю. – Мальчик забрался в машину. – Я поеду с вами.

В крематории все произошло очень быстро. Мать даже не доставали из пластикового гроба, просто вытащили ее руку и засунули в идентификатор. Мужчина недоверчиво покачал головой, разглядывая то, что появилось на экране.

– Непростая у тебя мама, мальчик. Даже странно, что умерла в такой дыре…

– Что это значит?

– Тут написано, что она была боевым штурманом, у нее даже награды есть. Летала в глубоком космосе. Непонятно только, зачем жила здесь, в городе, когда могла жить в поселке звездолетчиков. Там и жизнь лучше, да и спокойнее, чем в городе.

Гроб поставили на ленту транспортера и под печальную музыку загрузили в печь. А еще через пару минут Даньке вручили теплую пластиковую коробку с пеплом и табличку, на которой было написано имя матери, даты рождения и смерти.

– Это все, – потрепал его по плечу мужчина. – Крепись, парень, отныне ты один. Табличка пригодится, когда приедут люди из социальной службы. Покажешь им, и они отправят тебя в приют. У них не так уж плохо, я знаю, у меня у самого там сын…

– Спасибо, – поблагодарил Данька и зашагал домой. Три квартала он прошел и даже не заметил, в голове было пусто, крутилась только одна мысль: ты один, один, один…

Мальчик наполнил ванну горячей водой и погрузился в нее с головой. Это тоже часто повторяла ему мать: «Если все плохо, поешь, умойся, и станет легче». Он долго лежал в теплой воде, потом грустно произнес:

– Все закончилось, мама. От тебя осталась только горстка пепла. А что со мной будет дальше, не знаю…

И тут же вспомнил еще один совет: «Если не знаешь, что делать, просто подожди. Придут другие мысли, или обстоятельства изменятся».

– Хорошо, мама, – Данька вымылся, надел чистую одежду и пошел на кухню. Еда из пакета была холодной и уже не такой вкусной, как вчера, но он съел все и выбросил пустой пакет в утилизатор.

Потом сел на стул и заплакал, но тут в дверь громко застучали и послышался чей-то громкий и недовольный голос. Мальчуган открыл дверь, за ней стоял хозяин дома. Он отодвинул Даньку в сторону и прошелся по квартире, заглядывая в каждую комнату. В спальне осмотрел мамину кровать, хмуро принюхиваясь, и только после этого спросил:

– Это твоя мать умерла? За ней приезжали гробовщики?

– Сегодня ее уже похоронили.

Данька подал хозяину табличку, тот мельком взглянул на нее и хмуро кивнул.

– Мне уже сообщили. А что дальше?

– Я не знаю…

– Зато мне известно, – пробурчал хозяин. – Ты хороший мальчик, тихий, спокойный и умный. Тебе бы немного образования, и все было бы хорошо. Но обучение стоит больших денег, а у тебя и за этот дом платить нечем. Так?

– Денег у меня действительно нет, – признался мальчик.

– Раз денег нет, то и жить здесь не сможешь. Вы уже задолжали мне за пару месяцев, но я терпел, сочувствуя твоей матери. Героев я уважаю…

– Героев?

– Конечно, твоя мать была героем, а ты что, не знал?

– Она мне никогда ничего о себе не рассказывала, – Мальчик растерянно развел руками. – Я только сегодня узнал, что мама летала в глубоком космосе.

– Она была штурманом боевого звездолета. У нее есть и ордена, и медали, да и пенсию ей государство платило. Ты не беспокойся, долгов у вас передо мной больше нет. Я даже электроэнергию сегодня включу.

– Почему?

– Правительство все мои затраты уже возместило, оно же оплатило похороны. – Мужчина задумчиво поскреб подбородок. – Вот что, парень, можешь пожить еще три дня, а потом съезжай.

– Куда?

– А это уже не мое дело. – Хозяин пошел к двери. – Через три дня чтобы тебя здесь не было.

Тут в дверь постучали.

– Это еще кто? – Мужчина недовольно сморщился и открыл. В дом вошли две женщины в строгих официальных костюмах.

– Социальная служба. Даниил Кромвель здесь живет?

– Вот стоит, – показал хозяин на Даньку. – Вы его заберете? Через три дня он должен освободить дом.

– Нам нужно сначала осмотреть ребенка, мы не берем в приют кого попало. С первого взгляда паренек хороший, чистый, лицо без дефектов.

Одна из женщин вытащила из сумки идентификатор.

– Положи сюда свою руку, мальчик.

Данька послушно положил ладонь на матовое окошечко. Прибор зажужжал и смолк, женщины взглянули на экран, и лица их стали как-то подозрительно скучными.

– Только, боюсь, он нам не подойдет, – произнесла одна из женщин. – Конечно, нужно еще кое-что проверить, но уже сейчас видно, что мальчуган не наш…

– Что значит не ваш? – возмутился хозяин. – Мальчишка остался без родителей, ему прямая дорога в приют. Или вы хотите, чтобы он оказался на улице?

– Мы не можем брать в детский приют социально неадаптированных детей, – отчеканила женщина. – Для этого существуют дома инвалидов, но в данном случае мальчика и туда не возьмут.

– Почему?

– Потому что в его файлах есть сноска, а в ней кое-что написано…

– Он выглядит вполне здоровым, при чем тут дом инвалидов?

– Мальчик, приложи еще раз сюда свою руку.

Данька послушно положил руку на пластиковое окошко прибора, тот негромко зажужжал и смолк. Женщина посмотрела на экран, потом показала хозяину:

– Вот видите, сноска внизу. Мы ее открывать не будем, но поверьте, то, что там написано, вам не понравится.

Женщины пошли к двери.

– Так вы его не возьмете?

– Вы же видели все, взять мы его не можем…

– А что с ним будет дальше?

– Вероятнее всего, подлежит уничтожению…

– Может быть, у парня есть какие-то дальние родственники, которые его возьмут?

Женщина снова взглянула на экран.

– Родственников нет. Мать – сирота, училась в академии десанта. Отец пропал без вести.

Женщины вышли. Хозяин растерянно посмотрел им вслед:

– Видишь, парень, какие дела, никому ты не нужен.

Он вытащил из кармана небольшую пластиковую карточку и протянул Даньке.

– Возьми, эти деньги перевело правительство для оплаты за дом. Я вычел твой долг, осталось не так уж много, но на первое время хватит. Сможешь снять комнату, где-нибудь поесть. – Хозяин остановился на пороге. – Три дня, парень, а потом лучше не попадайся на глаза. Мне тебя жаль, но если я буду подбирать всех сирот и жалеть их, то скоро сам останусь без гроша.

Дверь захлопнулась, и Данька вздрогнул от этого громкого звука.

– Моя мама была героем, а я этого и не знал.

«Никогда ни от кого не жди помощи. – Он словно услышал в голове голос матери. – Это неправильный путь, путь в никуда. Я встречала много людей, которые считали, что им кто-то чем-то обязан, они все закончили плохо, потому что ждали чуда в трудную минуту и ничего не делали сами. Запомни, каждый сам по себе в этом мире. Ты никому ничего не должен, и никто ничем не обязан тебе. Но если кто-то что-то сделает для тебя, будь благодарным».

– Да, мама. Я благодарен хозяину за то, что он дал мне немного денег.

«В жизни каждого ведет его судьба. Бывает плохо и даже очень плохо. Но, не зная плохого, никогда не оценишь хорошего. Неприятные события заставляют нас действовать, это часто единственный способ заставить людей идти навстречу своей судьбе. Если бы нашим далеким предкам всегда было хорошо, мы все еще жили бы на деревьях».

– Да, мама, – прошептал Данька, борясь со слезами.

«Верь, все, что происходит с тобой, всего лишь испытание, кто преодолеет, тот и получит награду – возможность жить дальше».

– Да, мама, – заплакал мальчик. – Только почему так больно в груди? И так страшно?

«В жизни часто бывает больно и страшно, ' нужно просто потерпеть. Это пройдет. Жизнь тем и хороша, что все проходит…»

Больше он не мог сдерживаться и зарыдал во весь голос, благо, что был один и никто его не слышал.

«Поплачь, даже сильные люди иногда плачут, это нормально для тех, у кого есть сердце и душа».

– Похоже, я сошел с ума, если разговариваю с мертвыми, – прошептал Данька. – Но у меня больше никого нет. Только я и моя умершая мама. Еще есть где-то отец, но она так и не назвала мне его имени. Он меня отправит в космос, потому что обещал.

Мальчик вытер слезы, пошел в свою комнату, разделся и лег на кровать.

Он слишком устал, чтобы что-то делать, да и в груди было больно. «А боль и беду нужно заспать» – так всегда говорила мама.

Хозяин не обманул, вечером загорелся свет, и Данька включил телевизор. Смотреть особо было нечего. Показывали бесконечные сериалы о покорителях планет, об отважных звездолетчиках, смелых штурманах, борющихся с восставшими колониями на краю галактики.

Только никто не показывал, что потом происходит с космическими героями, а Данька уже знал это по своему опыту, что они умирали от приобретенных в космосе болезней, брошенными и одинокими. А их детей ожидало только уничтожение.

Мальчик сходил в кафе к дяде Берду, тот накормил его и не взял денег за еду, хоть Данька и показал ему карточку.

– Пока у тебя есть деньги, тебя уважают, но, как только израсходуешь последний империал, жди беды от всех.

Мальчик вежливо поблагодарил и вернулся домой. Там сразу залез в ванну, а потом в постель. Беда еще не ушла, и ее все еще нужно было заспать.

Ночью ему снились хорошие сны, он видел маму. Они катались на разных аттракционах, ели вкусную еду, и им было хорошо вместе. Только проснулся Данька в слезах оттого, что она ушла, оставив его одного в пустом и холодном городе…

На следующий день мальчуган долго гулял по улицам, разглядывая сверкающие красочные витрины магазинов. Пообедал у дяди Берда, в этот раз карточку для оплаты хозяин кафе уже взял. Но мальчик не обиделся, бизнес есть бизнес.

Он старался не думать о своем будущем, как только такие мысли начинали приходить в голову, сразу прогонял их.

А что толку размышлять, если все равно впереди ничего хорошего не ждет?

Он был слишком мал, чтобы найти работу. Даже дядя Берд не мог взять его…

Пока была жива мама, он ему помогал, а теперь Данька стал изгоем. Его уже внесли в реестр как социально опасного, хоть он и не совершил ни одного преступления.

Хозяин кафе показал ему этот файл, когда мальчик сунул руку в идентификатор, стоящий на стойке для расчетов. Дядя Берд сам удивился и даже расстроился, когда прочитал то, что появилось на экране.

– Прости, малыш. Но с этого момента ничем не смогу тебе помочь. Если я возьму тебя на работу, то завтра сюда приедут полицейские и закроют кафе. По закону социально опасные не должны работать в общественных местах. Это считается серьезным нарушением…

Данька огорченно покивал головой и пошел домой.

Вечером снова смотрел телевизор, думая о том, что уже завтра должен будет покинуть это жилище. Перед сном просмотрел вещи, отбирая те, что могли пригодиться в будущей бездомной жизни.

В итоге набрался небольшой рюкзачок, который показался ему не очень тяжелым, и большой тюк с постелью.

На следующее утро Данька уже не просто так ходил по улицам, а искал себе место для ночлега. Наверное, ему повезло в том, что они жили на окраине, и таких мест было предостаточно.

Больше всего ему понравилась большая труба, выходившая прямо к мутной речке, закованной в бетон.

Весь следующий день он занимался тем, что переносил сюда одеяла, подушки, рюкзак и все более-менее ценные вещи, оставшиеся от мамы.

Вечером мальчик лег на матрац в своем новом доме, завернулся в одеяло и порадовался тому, как легко и быстро решил первую возникшую перед ним проблему.

Но глубокой ночью оказалось, что решение было неправильным.

По трубе пошла вода, и не просто вода, а если судить по едкому запаху, какие-то промышленные стоки. Мальчик понял это слишком поздно, когда его уже выбросило в реку. Все вещи унесло течение, а то, что утром удалось найти, было настолько испорчено, что ни на что больше не годилось.

Весь следующий день он провел в кафе у дяди Берда, тот разрешил ему постирать неприятно пахнущую одежду и даже накормил бесплатно горячей пищей.

Данька согрелся и продремал до вечера в кладовке на пластиковых ящиках. Кафе хоть и закрывалось поздно, но и это время наступило, мальчику пришлось снова искать место для ночлега.

На этот раз он решил устроить себе дом около большого магазина, у черного хода которого была выставлена пластиковая тара. Данька выстроил из ящиков что-то наподобие маленькой комнаты, выложил дно пластиком и закрыл все щели картоном. Жилище получилось просто замечательным, в нем было тепло, ветер не мог пробиться сквозь картон, и мальчик снова порадовался своей сообразительности.

Но посереди ночи его арестовали полицейские. Сказать честно, Данька этому даже обрадовался. Он уже устал, и смерть ему казалась избавлением от всех бед. К тому же мальчуган верил, что когда умрет, то встретится на небе со своей мамой.

В полицейском участке его руку сразу засунули в идентификатор, и пожилой полицейский хмуро произнес:

– Уничтожение, причем немедленное, как социально опасного. Мне тебя жаль, парень. Это небольно. Врач сделает инъекцию, и ты просто заснешь.

– И никогда не проснусь?

– И не проснешься, поверь, это не так уж плохо. Я часто об этом думаю, иногда совсем не хочется видеть то, что происходит в сегодняшнем мире… – Полицейский протянул руку к кнопке вызова медика, но внезапно остановился. – Тут какая-то непонятная сноска. Эй, Бриг, посмотри! Никогда такого не видел.

К стойке подошел еще один полицейский, посмотрел на экран и задумчиво хмыкнул:

– Встречается редко, за мою службу всего в третий раз. Вводи код.

– Какой код? Я не знаю никакого кода…

– Его должен назвать тебе парнишка.

– Даниил, так, кажется, тебя зовут? – обратился Бриг к мальчику. – Назови код.

– Это какие-то цифры?

– В этом файле есть сноска, что твоя мать служила в космическом флоте, – ободряюще улыбнулся полицейский. – Ей присвоен номер, вот его и нужно ввести.

– Я его не помню.

– Это очень плохо. Назови адрес дома, где ты жил, я направлю туда патрульных, чтобы они посмотрели в твоих вещах. Если ничего не найдут, то введем в компьютер запись, что код неизвестен, и тогда тебя уничтожат.

Данька открыл было рот, чтобы назвать адрес своего бывшего дома, но тут вспомнил о том, что какой-то номер есть на ноже.

Он вытащил его и, запинаясь, прочитал набор цифр. Полицейский ввел его в компьютер, и из него тут же послышался звук зуммера, оба стража буквально впились глазами в экран, потом Бриг изменившимся голосом приказал патрульным отправить Даньку в камеру.

Его закрыли в небольшом помещении, в одном углу которого стояла пластиковая койка, а в другом – умывальник. Данька напился воды и тут же лег, он хотел спать, и ему уже было все равно, что с ним будет дальше.

Утром его снова привели к стойке, где стоял все тот же пожилой полицейский.

– Тебя забирают от нас, – произнес он, глядя на него красными от бессонной ночи глазами. – Сейчас за тобой приедут.

– А кто?

– Хотелось бы сказать, парень, что это твои родственники, но, увы. – Полицейский отвернулся от него и пробежал пальцами по клавиатуре. – Могу сказать только одно, тебя не уничтожат. Но будет ли тебе от этого лучше, не уверен. А вот и твои сопровождающие…

В дверь вошли два высоких мрачных человека в серых комбинезонах с нашивками космического флота, на поясах у них висели кобуры с оружием, и они прошли сквозь толпу так, словно перед ними было пустое пространство.

Люди расступались, хмуро глядя им вслед. Звездолетчики редко появлялись в городе, они жили в своем поселке недалеко от космопорта и всегда ходили с оружием. Их не трогали даже полицейские, потому что те следовали своим законам.

Звездолетчики подошли к стойке, бесцеремонно растолкав всех, кто стоял рядом.

– Мы получили вызов, – бросил один из них, глядя поверх голов. – Кого вы нам приготовили?

– Вот. – Полицейский подтолкнул к ним Даньку. – Этот мальчик ваш.

– Тут какая-то ошибка, – недовольно сморщился звездолетчик. – У нас не детский сад. Вы шутите? Если это так, то боюсь, вам придется извиниться перед нами…

– Смотрите сами. – Полицейский развернул к ним экран. – Какие тут шутки – два высших приоритета!

Звездолетчики быстро просмотрели то, что там было написано, их лица помрачнели.

– Это нужно проверить. Паренек, сунь руку в идентификатор. – Звездолетчик взял со стойки прибор и протянул Даньке, потом долго всматривался в экран. – Да, похоже, вы правы. Сноска наша. Но нужно кое-что выяснить…

Космонавт достал из кармана коммуникатор. Он отошел в сторону, о чем-то с кем-то переговорил и вернулся к стойке, его лицо стало еще более хмурым.

– Кротко, пакуй мальчишку, он действительно наш.

Второй звездолетчик сделал всего одно движение, и Данька почувствовал, что его руки скованы. Путы были небольшими, всего одна полоска пластика, но он не смог пошевелить даже пальцем.

Высокий космонавт повел его к двери, второй звездолетчик шел сзади, держа руку на кобуре своего оружия. Этого было достаточно, чтобы люди мгновенно расступились, освобождая проход. На улице мальчика засунули на заднее сиденье машины странной обтекаемой формы, больше походившей на черную пулю с небольшими крыльями. Данька видел такие аппараты только по телевизору в сериалах о звездолетчиках.

Машина медленно поднялась в воздух, а потом рванулась вперед так, что его вдавило в спинку сиденья.

– Куда вы меня везете? – спросил он, борясь с подступающей тошнотой.

– На космодром. Через пару часов ты отправишься в далекий космос, место назначения – планета-тюрьма в созвездии Девы.

– Планета-тюрьма?

– Тюрьма для особо опасных преступников. Не знаю, как ты умудрился приобрести себе право на нее, но именно туда и полетишь. Даже простым убийцам дорога закрыта в такие места.

– Почему?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Мы не обязаны разговаривать с тобой, – буркнул Кротко. – Но учитывая твой малый возраст и то, что ты ничего не знаешь об этой паршивой жизни, я отвечу. Эта планета по-своему не так уж плоха. На ней есть леса, моря, горы, практически все, что нужно для жизни. У планеты только один недостаток – слишком много агрессивных форм жизни. Обычных поселенцев там нет, все умерли после эпидемии какой-то болезни. А не так давно люди из правительства решили направлять на планету самых опасных преступников для того, чтобы они добывали руду…

– И много уже туда людей отправили? – поинтересовался Данька.

– Мы перевезли около десяти тысяч, но в живых там осталось чуть меньше тысячи. – Кротко хохотнул. – Ты, парень, тоже оказался в числе счастливчиков, и даже не знаю, как тебе это удалось. Может, зарезал всю свою семью, а заодно отправил на тот свет половину городского квартала?

– Я никого не убивал, – опустил голову мальчик. – У меня просто умерла мама, она тоже была, как и вы, звездолетчиком, настоящим штурманом боевого корабля.

– Ну, это ты приврал. Многим бы хотелось, чтобы их родители оказались героями. То, что тебя внесли в наш список, ничего не значит. Возможно, твой отец работал когда-то на одной из пассажирских линий, а может, служил техником в одном из космопортов. Но чтобы героем оказалась твоя мать, это… нереально. – Кротко сделал резкий вираж, облетая огромный небоскреб. – Женщин-звездолетчиков очень мало, боевых штурманов из них единицы, если уж сказать совсем точно, я знал всего двоих. Одна из них погибла, а со второй случилась какая-

то темная история, и никто ее больше не видел. Так что, парень, не знаю, кто тебе это сказал, но лучше забудь об этом.

– Это правда, – насупился Данька. – Я сам видел брусок, на котором было написано, что моя мама – боевой штурман. Вы должны мне поверить, я же назвал вам цифры…

Космонавты переглянулись между собой, потом защелкали кнопками на панели. Кротко попросил мальчугана еще раз повторить код и, после того, как ввел его в компьютер, сразу помрачнел.

– Видишь? – показал он экран второму звездолетчику.

– Вижу. Высший командный состав. Парнишка не обманул, но как получилось, что Кристина оказалась на Земле? Странно это и непонятно. Видишь ссылку? А степень секретности?

– Что вы узнали? – спросил настороженно Данька.

Кротко недовольно хмыкнул.

– Все данные о тебе и твоей матери засекречены самым высшим кодом. Всего три человека на Земле имеют к ним допуск, а во всем освоенном космосе только пятеро, мы не из их числа. Но твоя мама действительно была боевым штурманом, и не просто штурманом, а самым лучшим. Во время битвы при планете Озгон она спасла всю свою эскадру, проведя ее через пространственный туннель. Только потом ее судьба сложилась неудачно…

– Почему?

– Малыш, если я буду забивать тебе голову тем, что даже нам, звездолетчикам, кажется омерзительным, ты долго не протянешь. Тем более что сведения засекречены. Могу сказать только то, что слышал от своего старого товарища, который когда-то воевал с нею на одном корабле.

– Расскажите, пожалуйста. Мне мама совсем ничего не говорила, даже о том, что она была штурманом, я узнал только после ее смерти.

– Скажу коротко и только из уважения к твоей матери. Звездолет, на котором она служила, участвовал в одной секретной полицейской операции: то ли на планете был бунт, то ли эпидемия, и десант получил приказ уничтожить всех поселенцев. Что дальше происходило, не знаю, но звездолет захватили, а твою мать увезли с собой в качестве заложницы, только через год ее сумели освободить и сразу уволили из флота. Кто захватил десантный крейсер с двумя сотнями вооруженных до зубов десантников на борту, почему с ней так поступили – неизвестно, все сведения засекречены. Поэтому мы очень удивились, когда узнали, что она жила на Земле и даже родила такого славного мальчугана. Но зачем понадобилось отправлять тебя, парень, на планету-тюрьму? Кто хочет избавиться от тебя? Кому мог помешать такой славный малыш? Все это очень странно и дурно попахивает…

– Спасибо за рассказ.

Звездолетчики переглянулись, потом Кротко мрачно пробурчал:

– Малыш, мы ничем не можем помочь тебе. Наше дело вести звездолет, а в основном отсеке командуют надзиратели, они и будут решать, в какую камеру и к кому поселить тебя во время перелета.

– Я и не просил вас о помощи…

– Ты не просил, малыш, это точно. – Кротко сделал еще один вираж. – Только и у нас есть сердце. Противно смотреть, как ни в чем не повинного малыша отправляют на верную и ужасную смерть. Мы сможем тебе помочь только после приземления, да и то лишь тем, что постараемся высадить первым.

– Спасибо. Вы хорошие люди и не переживайте обо мне. Моя мама говорила, что зло сильнее тактически, а добро стратегически. Поэтому оно всегда выигрывает сражения, но проигрывает войну.

– Да, малыш, но только тебя мы везем как раз на одно из таких сражений. Подлетаем к космопорту. О нашем с тобой разговоре никому ни слова, иначе будет плохо и нам, и тебе. Если тебя спросят о родителях, говори, что ты сирота. Так легче выжить.

– Да, дядя звездолетчик, – вздохнул Данька. – Я же действительно сирота.

– Молодец, а теперь держись. Окно над космопортом открывается всего на пару секунд, поэтому приземление будет не очень приятным, но это единственный способ не попасть под огонь автоматических пушек и не получить ракету в зад.

Флаер резко клюнул носом и понесся к земле, содержимое желудка подступило к горлу мальчика, хоть он ничего и не ел со вчерашнего вечера. Теперь Данька мог думать только о том, как бы ему удержаться и не запачкать рвотой такую красивую машину.

Летательный аппарат повис в воздухе в метре от земли, потом плавно опустился на бетонные плиты.

– С этого момента мы незнакомы. – Кротко повернул к нему хмурое лицо. – Прости, но придется нам быть с тобой немного грубоватыми, все-таки в глазах всей планеты ты, парень, большой преступник.

– Хорошо, дядя звездолетчик, – прошептал мальчуган. – Только откройте быстрее дверь, а то я сейчас не выдержу и все вам запачкаю.

Дверь открылась, Данька вывалился на бетонные плиты, его тут же стошнило желчью.

Прежде чем он успел прийти в себя, его подняли за шиворот и толкнули вперед.

– Вперед, заключенный! – рявкнул Кротко. – Тебя ждет самый старый звездолет в мире.

Мальчик поднял голову. На бетонных плитах космопорта стоял космический корабль, обшивка его потемнела от наслоившейся за сотни взлетов и приземлений гари. А над острым носом корабля сверкало солнце…

– Какой большой…

– Это не звездолет, а всего лишь шлюпка, – хохотнул Кротко. – Звездолеты строят в космосе, и они никогда не опускаются на планеты. – Он подтолкнул Даньку в спину. – Иди и помни о том, что ты мне обещал. Люди около челнока – надзиратели, с этого момента и до посадки ты принадлежишь им. Если они захотят тебя убить, то убьют, и им ничего за это не будет. В космосе действует лишь один закон – выживание любой ценой.

Около корабля, в его тени стояли три человека в желтых комбинезонах.

– Это еще что за клоп? – спросил один из них. – Зачем вы его с собой тащите?

– Новое поступление, – ответил Кротко. – Самый опасный преступник Вселенной Даниил Кромвель. – Он толкнул мальчика к надзирателям.

– Устраивайте его и взлетаем.

– Подожди, пилот, – покачал головой высокий человек с багровым шрамом через все лицо. – Этого парнишки нет в списках. И почему его привезли вы, а не полиция?

– Все в файлах, больше ничего сказать не могу, сам не знаю. А нам его всучили только потому, что команда взять мальчика на борт пришла от высокого звездного начальства. Причина неизвестна.

Человек со шрамом взял Даньку за плечо и сунул в руки идентификатор.

– Ну-ка, отметься. – Мальчик приложил ладонь к пластмассовому окошечку. Надзиратель внимательно прочитал то, что появилось на экране. – Этого в отдельный отсек, надзор строгий, но возможны послабления. Держать отдельно от других.

Даньку провели по узкому коридору и засунули в какое-то подобие шкафа с мягкой стенкой, избавив от оков. Дверь отсека захлопнулась, над головой зажегся свет, только смотреть было особо не на что. Серые стены, мягкий тусклый пластик, и больше ничего…

Мальчуган вздохнул и закрыл глаза. Слишком много событий произошло за последние сутки, его мозг уже не успевал перерабатывать информацию.

Еще вчера он обедал у дяди Берда, ночевал сначала в пластиковой таре, потом в участке, а теперь находится на настоящем космическом корабле, хоть он и называется шлюпкой. Скоро они взлетят, его отвезут на большой звездолет, а потом он полетит на другую планету-тюрьму, где много агрессивной фауны, которая обязательно его съест. Не слишком ли много впечатлений для маленького мальчика?

Мама сказала, что он улетит с земли, так обещал его неизвестный отец. И все происходит именно так, Данька летит в космос, а еще вчера ждал только смерти.

Под ногами задрожало, потом урчанье двигателей заполнило всю маленькую каморку. Все вокруг затряслось и заскрипело. Корабль закачался, и мальчика стало бросать в разные стороны, а ремни больно впились в тело.

Данька понял, что они поднимаются.

Грохот стал почти непереносимым, уши заложило. Тогда он закричал от страха так громко, как мог, но не услышал даже своего голоса. Через полчаса громыхание стихло, а его тело стало таким легким, каким никогда не было в жизни.

Он мог летать, как птица, если бы не был привязан. Корабль повернулся, и Данька оказался лежащим на спине, на мягкой стенке. Но мягкой она была недолго, шлюпка резко рванулась вперед, и его прижало так, что стало трудно дышать.

Загрохотало с еще большей силой. Перед глазами все закружилось, желудок скакнул вверх, а дальше мальчик уже ничего не помнил.

Глава 2

Сервомоторы работали на полную мощность, но все равно не могли компенсировать заносы на поворотах. Пол был металлическим, подошвы скользили, а включать магнитные присоски не имело смысла, скорость движения тогда бы резко упала. Разведчики мрачно ругались, когда их било о стены, несмотря на мягкую подкладку скафандров, эти удары были довольно болезненны.

Десантники лежали без чувств на полу по всему туннелю, в тех положениях, где их застала газовая атака. Как Пирс и предполагал, легкие респираторы не смогли защитить от воздействия его сонного газа. Около офицера разведчик затормозил, включив присоски, отчего его неприятно мотнуло, и выдрал бронированной рукавицей из открытого рта пару зубов, мрачно пробормотав:

– Это тебе, Джонни, за ту драку в баре.

Он догнал Траста уже у шахты: тот задумчиво разглядывал изображение на небольшом экране, даже сквозь затемненное забрало было заметно, как ему не нравилось увиденное.

– У нас проблемы? – спросил Пирс. – Что-то новое, неожиданное?

– Еще два челнока приземлилось. Шестьдесят человек окопались вокруг шахты, а в воздухе кружат четыре челнока с полным вооружением. Даже если удастся прорваться сквозь десантников, то все равно расстреляют из челноков. Похоже, в этот раз мы вляпались основательно, если только у тебя не припасено в запасе маленькой атомной бомбы…

– Кое-что приберег, как раз для такого случая, конечно, не бомба, но должно сработать, – Пирс подключил кабель от своего скафандра к скафандру Траста. – Ввожу программу, она тоже не сахар, в какой-то мере даже веселее твоей, так что береги язык и зубы.

– Четыре челнока с ракетами и пушками, да и десантники откроют стрельбу сразу, как нас увидят. Полетит минимум десяток самонаводящихся ракет, ни одна программа не поможет!

– Предлагаешь остаться? Место неплохое, но я уже передумал, домик здесь строить не буду, соседи не те. Рискнем, на нашей стороне фактор неожиданности. Пара секунд у нас будет, пока они не поймут, что к чему. Я кое-что припас. Готов?

Ранцевые двигатели заработали, и скафандры резко взмыли вверх. Пирс продолжал разбрасывать шарики, только уже серого цвета, они взрывались, наполняя все вокруг дымом и статическими помехами, выводящими следящую аппаратуру из строя.

Они вылетели из шахты на полной скорости, как пробка из бутылки, и по сложной траектории, взмывая то вверх, то вниз, помчались на север. Шлюпки, стреляя из пушек, погнались за ними.

Четыре выпущенные десантниками ракеты взорвались за ними, не причинив им никакого вреда.

– Вот теперь можно поговорить. – Пирс кинул вниз небольшой пакет, он раскрылся, выбросив сотню шариков, тут же взорвавшихся в воздухе. Челнок, уже почти догнавший их, сделал резкий поворот, пытаясь обойти образовавшееся темное облако, но слишком приблизился к земле и зарылся в песок. – Один ноль, счет в нашу пользу. Говори, Зигин…

– Я хочу, чтобы вы позаботились о моем сыне.

– У тебя есть сын? Что ж ты молчал об этом? Парень давно бы ходил в хорошую школу и узнавал мир…

– Как бы я вам сообщил, если почти тринадцать лет сижу здесь? Мальчику двенадцать, он меня ни разу не видел, как и я его. Так получилось…

– Да уж, тебе не позавидуешь.

– Пирс, на твоей планете я спрятал шлюпку, а у соседней планеты звездолет. Пусть все получит он…

– Координаты скажешь?

– Снежные волки знают, где находится челнок, без них все равно не найти, это они показали мне пещеру в горах…

– Волки, это те звери, с которыми тебя арестовали?

– Они. Их держат где-то на Земле, возможно в каком-нибудь зоопарке, переправьте их на планету…

Пирс скинул с плеч рюкзак, он повис в воздухе, потом раскрылся в огромное зеркальное полотно, челнок десантников влетел в него и, резко спикировав вниз, зарылся в песок.

– Два ноль. Мои запасы кончились, дальше работай ты, Траст. Продолжай, Зигин.

– Я хочу, чтобы вы сделали из мальчишки настоящего воина и разведчика…

– Сам его воспитаешь, когда вытащим тебя из этой крысиной норы.

– Нет, Пирс, больше не пытайтесь, в этом нет никакого смысла. Я проживу максимум еще пару месяцев. Мы с Кристи заработали звездную болезнь, когда отрывались от десантников. Нам пришлось войти в пространственный туннель. Кристина – умница, на кротовые норы у нее чутье, но эта вывела нас прямо к нейтронной звезде, а защита не справилась.

– Где сейчас Кристи?

– Жила на Земле, пыталась мне помочь. Думаю, что и у нее дела плохи, возможно, уже умерла. Нашего сына зовут Даниил, теперь он сирота или скоро станет таковым. Помогите, дайте ему шанс…

– Об этом не беспокойся, обещаю, что позабочусь о парне так же, как если бы это был мой сын…

– Ему трудно придется, за ним будут гоняться по всей Вселенной…

– А в чем причина такого необычайного интереса? – спросил Траст. – Во что ты влип на этот раз?

– Узнал то, что может изменить жизнь всей Вселенной. Но, к сожалению, вынужден был обратиться за помощью к одному очень влиятельному человеку, и тогда начались все мои неприятности. То, что я в тюрьме, его заслуга. Раз в неделю допросы, и каждый раз используют самые последние достижения науки. Узнали уже все, что хотели, но им и это кажется недостаточным. Уверены в том, что я успел передать какие-то секреты Даниилу.

– А ты передал?

– Каким образом, если я его даже не видел? Но от этого ему лучше не станет, засунут его в камеру и начнут обрабатывать по полной программе. Не посмотрят, что ребенок.

– Что мы должны сделать?

– Переправьте мальчика на планету Пирса вместе с волками и научите выживать, это самое главное, дальше я надеюсь, он сам сообразит, что делать. Звери ему помогут....

– Планету Пирса объявили планетой-тюрьмой, – вмешался в разговор Траст, не сводя глаз с экрана. – Не очень хорошее место ты приготовил для своего сына…

– Все началось на этой планете, пусть там и закончится. Сделайте из него настоящего звездного разведчика, чтобы мог справляться с любыми трудностями. Ему придется продолжить то, что я начал, а это будет тяжелым испытанием…

– Хорошо. Если у тебя все, то сейчас начну ставить помехи. Они нас вот-вот догонят, а Пирс выдохся…

– Постарайтесь не попасться, не хотелось бы перестукиваться с вами, как с соседями по камере. Удачи, друзья!

– Мы вернемся. – Разведчик мрачно фыркнул и бросил на землю небольшой предмет. – Пирс, переключайся на защищенный канал, сейчас начнется ад.

В наушниках раздался громкий треск. Еще один десантный челнок, потеряв управление, грохнулся на землю.

Скафандры, подчиняясь заложенной программе, резко спланировали вниз между двумя высокими песчаными холмами и приземлились. Пирс вытащил из песка металлическую раму с закрепленными на ней ракетными двигателями.

– Это еще что такое? – Траст недоверчиво рассматривал странную конструкцию. – Ты уверен, что это летает?

– Выглядит неказисто, зато носится так, что ни один челнок за нами не угонится. Да и радары не опознают. Пристегивайся, обещаю много острых впечатлений. Впрочем, если не доверяешь мне, можешь остаться, я вижу, что приближаются еще три шлюпки.

– Рискну, – Траст пристегнул себя ремнями к небольшой площадке. – Но хотелось бы еще немного пожить…

– Это уж как повезет!

Рама резко взмыла вверх. Для неповоротливых десантных челноков повторять пируэты, которые выделывала в воздухе конструкция, было слишком опасно, поэтому они отвернули в сторону.

Летательный аппарат выскочил по замысловатой траектории в космос и прицепился к огромному спутнику.

Десантный крейсер, подойдя к предполагаемой точке выхода странного объекта в космос, ничего не обнаружил. Он выпустил из своего чрева пять челноков, которые стали планомерно обследовать орбиту.

Из шахты вытаскивали еще не полностью пришедших в себя десантников, один из них трогал окровавленный рот, бормоча:

– Кто же это меня так? Если бы не тюрьма, решил бы, что кто-то из моих старых товарищей по академии вздумал поразвлечься. Узнаю кто, найду и убью!

* * *

Когда он очнулся, тело снова стало легким – Данька словно катился вниз с огромной высоты и никак не мог упасть.

Его вытошнило, потом еще несколько раз. Желто-зеленую пахнущую желчью слизь тут же всосало через отверстия вентиляционной системы. Мальчик угрюмо проводил ее взглядом, ему все еще было очень плохо.

– Боль и беду нужно просто перетерпеть, – повторил он слова мамы. – Все пройдет, нужно только подождать.

От звука собственного голоса ему на какое-то время стало легче. Но потом шлюпка снова рванулась вперед, и Данька опять потерял сознание.

Он очнулся, услышав голос человека со шрамом:

– Ты жив, парнишка?

Мальчуган с трудом открыл глаза. Все тело болело так, словно его только что жестоко избили. У него один раз случалось такое, когда ему пришлось драться с соседскими подростками, после этого Данька несколько дней харкал кровью.

Дверь пенала была открыта, а надзиратель пристально и неодобрительно смотрел на мальчика.

– Вижу, что живой, хоть и выглядишь неважно. Никогда не бывал до этого в космосе? Можешь не отвечать. Знаю, что таких малолеток даже на пассажирские корабли не берут. Но хорошо, что выжил. Мы прибыли на звездолет, нужно освобождать шлюпку.

Человек со шрамом отстегнул ремни и одним движением выбросил Даньку из его клетки. Мальчуган и понять ничего не успел, как полетел вперед головой по коридору. Это было страшно, особенно тогда, когда он влетел в открытый люк, ожидая каждое мгновение, что

врежется в стену. Но в последний момент его успел поймать другой надзиратель, развернул и толкнул дальше по длинному коридору.

Так Даньку перебрасывали от одного надзирателя к другому. Последняя остановка оказалась в лифте, высокий мужчина с хмурым лицом прислонил его к стене, нажал кнопку, и мальчик тут же упал на пружинящий пол.

На верхних этажах звездолета работала система искусственной гравитации, и Даньке стало легче. Желудок вернулся на место, желчь перестала подступать к горлу, да и сердце немного успокоилось. Надзиратель выбросил его из кабинки, а сам снова отправился вниз.

Мальчик оперся о пластиковый пол дрожащими руками и попробовал встать. После нескольких неудачных попыток ему это удалось. Руки подламывались, хоть вес тела был небольшим, искусственная гравитация на транспортных кораблях равнялась половине G, это Данька знал из телевизионных сериалов.

Он увидел, что находится в широком пустом коридоре. Незнакомый ему надзиратель, выйдя из-за поворота, больно взял за руку и подтолкнул вперед.

– Не задерживаться, глаза не поднимать, смотреть под ноги! – проревел он. – Любое нарушение сурово карается.

– Как карается? – спросил Данька. И тут же получил жестокий удар шоковой дубинкой в спину, от которого пролетел вперед на несколько метров и больно ударился в стену.

– Это просто дружеское предупреждение, – ухмыльнулся надзиратель. – Наказание будет гораздо серьезнее.

Мальчик упал на пол и едва смог встать, его шатнуло в сторону, слезы побежали из глаз.

– Кэмп, – послышался сзади голос человека со шрамом. – Этот заключенный не до конца наш, поэтому должен долететь до планеты живым или почти живым, так что не перестарайся.

– Понял, шеф, – засмеялся надзиратель. – Я его и не трогал, так, погладил, чтобы знал, куда попал.

– Не перестарайся, ты же видишь, что перед тобой мальчишка. Он и ходить-то едва может после перелета. Перегрузка была небольшой, но ему и этого хватило.

– Заключенный должен знать наши порядки…

– Паренек и без тебя может умереть, а уж с твоей помощью шансов у него точно никаких. Поэтому предупреждаю: за мальчишку ответишь головой. Мне не хочется давать показания в трибунале по поводу излишней жестокости моего персонала.

– Учту, шеф. – Надзиратель схватил Даньку за плечо. – Идти сможешь, паренек, или тебе помочь вот этим? – Он уткнул в ребра шоковую дубинку.

– Я смогу, – прошептал мальчик сквозь слезы и побрел по коридору. – Не надо мне помогать…

К счастью, идти пришлось недалеко, через десяток метров надзиратель открыл дверь и втолкнул Даньку внутрь небольшого помещения. Каюта была крохотной, полтора метра в ширину и чуть больше двух в длину, в ней едва вместилась кровать и душевая кабинка с туалетом за прозрачной дверкой.

Все было покрыто упругим пластиком, видимо, чтобы во время полета заключенные не насажали себе шишек и синяков. Чем-то это все походило на палату для буйных душевнобольных. Данька видел фильм о сумасшедшем доме, там комнаты выглядели именно так.

Он лег на кровать и закрыл глаза. Очень болела спина после удара дубинкой, и все еще продолжало мутить.

Скоро ему стало холодно. В каюте было тепло, но мальчик замерзал. Его руки и ноги окоченели. Губы посинели, зубы застучали друг об друга. Прошло немного времени, и дрожь перешла на все тело.

Данька боролся с этим как мог, пробовал двигать ногами и руками, но потом сдался. Он просто лежал и мерз.

Время для него остановилось, мальчик то засыпал, и тогда ему снились ужасные сны, в которых его пытались съесть какие-то страшные звери, то просыпался, глядя на бледный свет потолочных панелей.

И он не знал, что хуже – спать и видеть кошмары или наяву ощущать жуткий холод, от которого дрожали руки и ноги, а внутренности смерзались в единый комок.

В какой-то момент, когда его уже много раз съели звери, а тело полностью превратилось в кусок льда, он почувствовал тепло чьей-то руки на щеке. Незнакомый голос произнес:

– Заключенный совсем плох…

– Сейчас же вызовите врача! – приказал другой голос– У нас и без него достаточно трупов.

Данька не мог открыть глаза, веки стали настолько тяжелыми, что не хватало силы их даже приподнять.

– Медик приходил час назад, осмотрел парня и сказал, что ничего сделать нельзя. В его файлах записано, что подобным заболеванием страдала его мать, вероятно, это наследственное…

«Мама, – подумал Данька. – Ей было так же холодно и больно, а я не знал…»

– Что будем делать? Он ничего не ест, паек за три дня остался нетронутым. А впереди еще месяц полета. Парнишка умрет. Врач сказал, что уже завтра…

– Бросьте его к волкам. Скажем, что это был несчастный случай.

– Хорошая мысль, эти сожрут все, даже костей не останется, но старший предупредил, что за пацана спрос особый. Он проходит по какому-то отдельному списку, вроде звездолетчики его опекают.

«К волкам? – подумал Данька. – Они все-таки хотят, чтобы меня съели звери. Ну и пусть, все равно умирать, зато потом станет легче и я увижу маму…»

Голос стал далеким, мальчик уже не мог ничего разобрать, его раскачивало на гигантских качелях, бросая то вверх к далеким звездам, то вниз в гулкую пустоту, а холодный пронзительный ветер выдувал остатки тепла.

Потом прозвучал знакомый голос человека со шрамом:

– Меня не волнует, что сказал эскулап. Мальчишка должен выжить, иначе это будет ваш последний рейс. В его файлах имеется предупреждение, что если он умрет в полете, то виновные будут сурово наказаны. Вас предупреждали, что за ним нужно следить особенно тщательно…

– Но мы-то что могли сделать? Я, как только заметил, что парнишка заболел, сразу привел медика, а он сказал, что лечить его бесполезно…

– Найдите другого врача среди заключенных, я видел в списках по крайней мере троих, имеющих квалификацию гораздо выше нашего лекаря.

– Но вы же знаете, что это запрещено, это не доктора, а преступники…

– Выполнять немедленно! – Голос надзирателя стал суровым. – А с заключенным-врачом я сам предварительно переговорю.

Качели сорвались вниз, и голос человека со шрамом потерялся в темной страшной глубине.

«Я умираю, – подумал Данька. – Уже совсем скоро увижу маму. Как хорошо, только больно и холодно…»

Он вновь поднялся к яркому свету и услышал чей-то низкий хриплый голос:

– Ваш врач дилетант, у мальчика нет звездной болезни, а просто тяжелая форма нервной лихорадки, так это называлось в прошлые века. Он плохо ел, возможно, еще до полета пережил какую-то тяжелую моральную травму, да и направление на планету-тюрьму вряд ли добавило ему положительных эмоций. Кроме того, не похоже, что до этого мальчуган испытывал невесомость и перегрузки… В первый раз встречаю подобный случай, вы нарушили конвенцию.

Никому не разрешено направлять детей в космос без разрешения родителей, тут даже взрослые не все выживают…

– Не тебе говорить об этом. Сам-то скольких отправил на тот свет? В твоем деле записано, что ты убил больше сотни…

– За то, что сделал, отвечу перед Богом, и не вам меня судить. А наказание мне уже назначено, с планеты-тюрьмы еще никто не возвращался…

– Ладно, не будем спорить, – вздохнул человек со шрамом. – Лучше скажи, что нужно сделать, чтобы мальчишка не умер?

– Подкормить, поставить капельницу с раствором питательных веществ и витаминов, кроме того, ввести снотворное, чтобы он мог спать. Во сне тело само себя будет лечить. И надо его согреть, укройте хотя бы одеялом, вы разве не видите, как он дрожит…

– И это все?

– Вполне достаточно, чтобы мальчик выжил. Если сделаете так, как я сказал, то уже через три дня он сможет вставать, а через неделю будет совершенно здоров.

– Ты ответишь мне за этот диагноз головой. – В голосе человека со шрамом прозвучала угроза. – Не дай бог тебе ошибиться…

– Конечно отвечу. А что я, по-вашему, здесь делаю? Не знаете? Так вот, как раз отвечаю головой за свое прежнее лечение. Не беспокойтесь, старший надзиратель, дети для меня святое. А если придумаете наказание страшнее, чем планета-тюрьма, вы знаете, в какой камере меня найти…

Данька почувствовал тепло, его укрыли одеялом, а потом сердце начало согреваться, оттого что кровь стала горячей. Кусок льда внутри стал таять, и впервые за последние дни мальчик спокойно заснул и его не мучили кошмары.

Через три дня он действительно встал и даже умылся. Слабость еще чувствовалась во всем теле, двигаться совершенно не хотелось, но и терпеть мучительную боль в переполненном мочевом пузыре мальчуган уже не мог.

Маленький поход до туалета доставил какую-то странную, почти животную радость, ему захотелось кушать, и, может быть впервые за последние дни, жить…

Данька снова лег на кровать, но одеяло отложил в сторону, ему и без него было жарко.

Через пару часов, когда мальчик немного поспал, ему принесли еду. Пища была не очень доброкачественной. Продуктовые пакеты, которыми кормили заключенных, использовались для пассажиров обычных звездолетов, а сюда они попали только потому, что у них истек срок годности.

Но еда на вкус была совсем неплохой, и мальчик поел с большим удовольствием.

А еще через час к нему заглянул надзиратель со шрамом.

– Как ты себя чувствуешь, заключенный?

– Спасибо, мне гораздо лучше, – вежливо ответил Данька. – Наверно, уже не умру.

– Это хорошо. Скажи, как ты думаешь, что случится с тобой, когда мы высадим тебя на планету?

– Я погибну. Меня, наверно, съедят хищные звери, они мне теперь часто снятся.

– Думаю, что так и будет, – хмуро усмехнулся человек со шрамом. – Если тебя не съедят, то умрешь от воспаления легких или какой-нибудь жуткой болезни. Там много всего припасено, на этой планете не выдерживают самые крепкие мужчины. Интересно, кто решил, что именно там подходящее место для тебя?

– Я не боюсь смерти, надеюсь, что после того, как умру, встречусь со своей мамой.

– Может, и встретишься, и даже раньше, чем предполагаешь. Мы получили по дальней связи новое указание. Кому-то очень не терпится отправить тебя на тот свет…

– Что за указание? – вежливо поинтересовался мальчик.

– Предписано, чтобы во время полета ты ухаживал за снежными волками. В сообщении говорится, что у тебя природный дар общения с животными. Это на самом деле так?

– У нас дома никогда не было животных…

– Так я и подумал, что кому-то хочется тебя отправить к твоей матери. – Надзиратель захлопнул дверь. – Звери убили уже троих, ты будешь четвертым…

Мальчик услышал металлический скрежет закрываемого замка и последние слова человека со шрамом:

– Даю тебе еще пару дней на выздоровление, а потом отправишься к снежным волкам. Если честно, то предписание пришло в самый подходящий момент. Волки съели еще одного заключенного, которого я поставил присматривать за ними. Съедят и тебя, но в этом случае нашей вины в твоей смерти не будет. Готовься, ешь больше, этим зверям нравятся упитанные…

Надзиратель ушел, а Данька задумался над тем, как выглядят снежные волки.

Он ничего не знал о них. Возможно, это действительно жуткие звери, если уже съели трех людей, но все равно будет интересно их увидеть. Все его знания были из телевизионных передач, ему нравилось, когда рассказывали о животных, живущих на других планетах…

Через два дня, когда мальчик уже неплохо себя чувствовал, за ним пришел надзиратель с шоковой дубинкой и повел по длинным пустым коридорам звездолета.

На этот раз он его не бил, видимо опасаясь того, что Данька снова заболеет. Но в спину толкал и довольно болезненно, как будто злился за то, что тот идет слишком медленно. Но быстрее мальчик просто не мог, ноги едва двигались, словно за время болезни разучились ходить.

В конце коридора надзиратель втолкнул его в лифт и пристегнул пластиковыми ремнями к стене, как будто боялся, что он сбежит, и только после этого нажал самую нижнюю кнопку.

Лифт спускался довольно долго, и Данька начал лучше представлять себе масштабы звездолета. Он решил, что корабль похож на величественные небоскребы в городе, верхние этажи которых трудно было увидеть даже в ясные солнечные дни.

При всем том корабль показался ему пустым. Мальчик видел в пластиковое окошко лифта, как по коридорам ходят надзиратели, но не заметил ни одного звездолетчика, а уж они-то точно должны были здесь быть, чтобы обслуживать такую громадину. Всего Данька насчитал десятка три этажей, прежде чем лифт остановился.

Надсмотрщик расстегнул ремни, вытолкнул из кабинки и тут же нажал кнопку подъема. Мальчик даже не успел узнать, куда идти, как спрашивать стало уже некого.

Он испуганно огляделся по сторонам, потому что решил, будто волки бродят здесь одни по пустым коридорам и сразу набросятся на него, как только увидят или унюхают, но никого не было в пустом и узком коридоре. Данька прошел по нему и оказался в круглой комнате, покрытой зеленым пластиком.

Сюда выходила всего одна дверь. Как только мальчик потянул за ручку, она распахнулась, и в комнату вышел огромный человек в желтом комбинезоне надзирателя. Он был настоящим гигантом, Данька доставал ему едва до пояса, хоть и считал себя довольно рослым подростком.

На поясе у надзирателя висел пистолет в большой кобуре, это было первое настоящее оружие, которое мальчик увидел на корабле.

– Это тебя прислали, чтобы ты ухаживал за волками? – спросил надзиратель. Голос у него был громовым и хриплым.

– Да, меня. – Данька завороженно смотрел на его кулаки, они были больше его головы. Пожалуй, если надзиратель его ударит, мальчику не выжить. – А что я должен делать?

– Пойдем, покажу. – Великан втолкнул его в огромное помещение, перегороженное на две неравные части металлическими прутьями.

– Вот твои питомцы, – показал гигант в сторону большего перегороженного участка, там виднелись какие-то блеклые фигуры, расплывающиеся в полумраке. – Хотя слово «питомец»

больше подходит для тебя, потому что это они будут тобой питаться, – хохотнул надзиратель. Его голос был настолько громким, что Данька прикрыл уши, чтобы не оглохнуть.

– Но я никого не вижу. – Мальчик вгляделся в глубину перегороженного прутьями помещения. – Там никого нет, только у стены бродят какие-то призраки.

– Тебе и не надо их видеть, достаточно того, что они видят тебя. А когда им захочется тебя съесть, обещаю, ты с ними познакомишься. Призраки – это хорошее слово, правильное. Снежные волки действительно на них похожи, их шерсть меняет цвет, причем так, что этих тварей не увидишь, пока они сами этого не захотят.

– Понятно, – пробормотал Данька, хоть ничего и не понял.

– Жить теперь будешь здесь, – показал надзиратель на небольшую каморку из синего пластика у стены. – Еду для зверей и для себя будешь получать вон в том лифте.

Великан подтолкнул его к стене и, открыв дверцу, показал на большой металлический ящик, от которого вверх уходили толстые пластиковые тросы.

– Твоя задача вытащить мясо из этой коробки и отнести вон в ту кормушку. – Гигант подвел мальчика к небольшому ящику, выступающему за пределы прутьев. – Бросаешь сюда мясо и задвигаешь в клетку. Не думаю, что у тебя хватит сил таскать на себе туши. Возможно, тебе потребуется тележка, хоть я лично ею не пользуюсь. – Гигант показал на небольшую тачку, стоящую в углу. – Когда опорожнишь коробку в лифте, нажмешь вот эту кнопку, это будет знак для меня, что с тобой все в порядке.

– Я должен кормить эти привидения?

– Если бы только это, тебя бы сюда не прислали, – ухмыльнулся надзиратель. – Все хорошо, пока между тобой и зверями прутья клетки, но вот беда, раз в неделю ты должен входить внутрь, чтобы почистить клетку, тогда обычно все и происходит.

Гигант показал куда-то в глубь клетки, но мальчик опять ничего не увидел. – Для этого здесь имеется брандспойт, ты поливаешь их водой, и звери уходят в свое логово. Правда, очень просто?

– Да, – кивнул Данька, разглядывая длинный шланг. – Это я смогу.

– Так думают все заключенные до тех пор, пока не приходится это делать, – усмехнулся надзиратель. – А вот потом у них появляется другое мнение, только высказать они его никому не успевают.

– Почему?

– Потому что их съедают, – хохотнул верзила. – Тебя тоже сожрут, парень, рано или поздно. Думаю, что через неделю попрошу следующего заключенного для ухода за животными, больно ты какой-то маленький, даже убежать не успеешь.

Великан пошел к выходу.

– Подождите, – крикнул ему вслед Данька. – А что едят снежные волки?

– У нас десять тонн свежезамороженного мяса, правда, пока оно нам не потребовалось. Заключенных умирает достаточно, чтобы волки не голодали. Так что кормить ты их будешь своими коллегами.

– У меня еще есть один вопрос. Можно?

– Спрашивай, малыш. У того, кто приговорен к смерти через съедение, свои права. – Гигант довольно расхохотался. – Задавай свои вопросы, у меня есть немного времени, чтобы на них ответить.

– А снежные волки, они тоже на планету-тюрьму летят? – спросил со вздохом Данька. Юмор надзирателя ему не нравился, и без его разъяснений было страшно. – Они кого-то убили?

– Эти звери убили достаточно людей, чтобы отправиться на планету-тюрьму. Но судов пока таких не существует, чтобы приговаривать животных за убийство. Если честно, паренек, то я и сам не знаю, почему они летят с нами… Мы впервые везем таких пассажиров. Снежные

волки сильны и быстры, но справиться с хищниками, которые водятся на той планете, они вряд ли смогут. Ну, удачи тебе, парень. Ты мне понравился, жаль будет расставаться…

– Вы разве не останетесь? Я буду здесь совсем один?

– Не один, а с волками, – поправил его надзиратель. – Там, наверху, видеокамеры, помещение просматривается, но у меня хватает своих дел, так что могу и не увидеть, как тебя съедят.

– Но я думал, вы покажете, как нужно работать, – пробормотал мальчик. – А вдруг что-то сделаю не так?..

– Научишься сам, занятие простое. – Верзила открыл дверь. – Лично я не собираюсь тебе ничего показывать, еще стану обедом снежного волка, а для этого есть заключенные, такие, как ты.

– Но если мне что-то будет непонятно, у кого можно спросить?

– Спросишь у волков, они тебе все расскажут, – рассмеялся гигант, похоже, что ему очень нравились собственные шутки. – А ты должен знать только одно: отсюда не выйдешь до тех пор, пока мы не прилетим на место или… пока тебя не съедят. Все, мне пора.

Надзиратель захлопнул дверь, и Данька услышал скрежет закрываемого замка. Мальчик подошел к прутьям клетки.

– Эй, волки! Покажитесь. Я буду за вами ухаживать. Мне нужно знать, какие вы.

Но тени даже не двинулись с места.

– Как хотите, познакомимся потом, когда у вас будет хорошее настроение.

Данька зашел в каморку, в ней все было устроено так же, как в камере наверху: небольшая кровать, покрытая прорезиненным пластиком, и душевая кабинка.

Мальчуган еще долго вглядывался в глубь клетки, надеясь увидеть зверей, но глаза его сами собой закрылись, и он заснул.

Снились ему белесые призраки, они кружили вокруг и говорили громовым голосом надзирателя.

– Мы тебя съедим, съедим, съедим…

Данька проснулся от пронзительного звука, он вскочил и испуганно посмотрел на клетку. Там ничего не изменилось, тени по-прежнему шевелились где-то в глубине. Мальчик перевел взгляд на лифт и заметил на панели мигающую ярко-красную лампу.

Он открыл дверцу и увидел тушу большого зверя, покрытую толстым слоем инея и занимающую почти весь ящик.

Данька попробовал ее вытащить, но у него ничего не получилось. От холода мерзли руки, да и туша оказалась для него слишком тяжелой. Когда мальчик уже решил, что не сможет сделать даже такое простое дело, и очень от этого расстроился, то заметил сбоку небольшой рычажок.

Когда Данька нажал на него, дно откинулось на петлях и туша упала на пластиковый пол. Хорошо еще, что мальчик успел отскочить в сторону, иначе ему бы переломало ноги.

– Это было глупо, – пробормотал он. – Надо было сначала подвести тележку, тогда зверь упал бы на нее, и я смог бы отвезти тушу к клетке. А теперь придется поднимать. Только как это сделать, если не хватает сил, да и руки мерзнут?

Он взял лапу зверя, уперся ногами в пластиковый пол и попробовал приподнять, но туша даже не шевельнулась. Мальчик сходил за тележкой, подкатил ее и задумался: «Сил у меня мало, поднять не смогу, значит, нужно что-то придумать. А что тут выдумаешь? Зверь тяжелый, я глупый и слабый. Вот если бы можно было разрезать его на части?..»

Но для этого нужно иметь что-то острое, хотя бы нож или топор…

Данька походил по помещению, заглядывая в каждый закуток, и рядом со своей каморкой увидел большой резак. Он сразу понял, что это вибронож, потому что как только нажал на

красную кнопку в рукоятке, тонкое лезвие завибрировало, превратившись в почти незаметную матовую полоску.

Это мальчика обрадовало, он знал из сериалов, что такое устройство может резать даже металл, значит, и с мерзлой тушей справится без труда.

Нож был тяжелым, резал хорошо, хоть и не так быстро, как рассчитывал Данька. Мальчик испачкал всю одежду в крови и в ошметках мяса, но за два часа рассек только половину туши.

Пришлось кромсать ее на мелкие кусочки, потому что крупные он просто не мог поднять. Хорошо, что резались и кости, правда, для этого приходилось наваливаться на нож всем телом.

Данька взмок и запыхался, но еще через пару часов напряженного труда все-таки разрезал тушу полностью.

Он откатил тележку к ящику у клетки, побросал в него мясо и сел, вглядываясь в глубь клетки в ожидании, когда волки придут за едой, но призраки по-прежнему маячили у самой стены, почти сливаясь с бледно-синим пластиком.

Немного отдышавшись, мальчик встал, задвинул ящик в клетку и упал рядом с прутьями, оставшись совсем без сил. Он понимал, что надо отползти хотя бы на пару шагов, иначе снежные волки смогут достать его когтями. Но от слабости не мог даже пошевелиться, просто лежал и обреченно следил за призраками.

Звери, похоже, обедать пока не собирались и по-прежнему бродили в глубине клетки.

Данька полежал еще немного, потом, хватаясь за мягкий пластик, отполз от клетки, начиная уже понимать: что что-то сделал неправильно.

Ящик хоть и был в клетке, но волки не могли достать из него мясо, он находился на слишком большой высоте.

Что-то еще нужно сделать, только что? Мальчик присмотрелся к ящику и увидел со своей стороны небольшой рычажок, когда он его дернул, дно ящика повисло на петлях, мясо упало на пол и одновременно прозвучал звонок.

Тени двинулись к прутьям. Данька отполз на пару шагов назад, разглядывая их. Волков было трое, они походили на крупных собак, больших и лохматых.

Звери не дрались и не ссорились между собой, каждый аккуратно брал кусок мяса зубами, отходил в сторону и ел не спеша, даже с каким-то достоинством, по крайней мере, так ему показалось. Они не смотрели по сторонам и не обращали на него никакого внимания.

Шерсть у них была густой, дымчато-белой, и по ней постоянно пробегали странные темные полоски.

«Вот почему их назвали снежными волками, потому что шерсть у них светлая, – подумал мальчик. – Очень красивые и сильные звери, и, наверно, умные». Один из волков повернул к нему голову и угрожающе зарычал.

– Не рычи, уже ухожу. – Данька с трудом поднялся и вернулся в свою каморку, чтобы умыться.

Кровь и мясо на рубашке и брюках уже растаяли, и теперь одежда издавала острый и неприятный запах. Мальчик разделся, бросил одежду под струю воды и лег на кровать, ожидая, когда вода смоет кровь.

– Я справился, мама, – произнес он вслух. – И все еще жив.

Данька открыл дверь, чтобы понаблюдать за волками. Они ели не спеша, но тем не менее от туши уже почти ничего не осталось.

Скоро звери, слизав кровь с напольного пластика, ушли обратно в глубину клетки.

Мальчик постирал одежду, разложил сушиться и снова вернулся на свой наблюдательный пост. Только смотреть было уже не на что, волки слились с дальней стеной.

Проснулся он снова от пронзительного звонка, лифт привез пищу для него и волков. В ящике лежало тело человека в оранжевом комбинезоне заключенного, а на нем продуктовый пакет.

Мальчик долго не решался взять еду, настолько неприятным было зрелище мертвого человека с серым изможденным лицом, уложенного так, что руки торчали вверх, словно о чем-то просили.

Вернувшись в комнату, чтобы не видеть мертвого и не портить этим себе аппетит, Данька поел, потом, тяжело вздохнув, спросил:

– Мама, я не знаю, как мне быть? Там в лифте лежит тело, нужно его разрезать, а мне страшно. Даже сердце замирает, когда думаю о том, что придется это сделать. – Он прислушался, но ничего не услышал, тогда лег и закрыл глаза. – Мама, помоги мне…

«В ящике, Даниил, просто мертвое тело, человека в нем нет, он ушел туда, где все счастливы. Это такая же туша, как и того зверя, которого ты разрезал».

– Но я боюсь…

«В жизни бывает много страшного и неприятного, за что не хочется браться, но все равно приходится. Мертвец не причинит никакого вреда, а вот живые могут. Тебе будет неприятно, но ты сделаешь это».

– Спасибо, мама, за то, что поговорила со мной, сейчас попробую, хоть мне все еще страшно.

Данька встал и хмуро посмотрел в кусок полированного металла, закрепленного на стене в качестве зеркала.

– Мама не может разговаривать, она умерла, а ее тело сожгли. Я, наверное, сошел с ума, если беседую с мертвыми…

Мальчик еще раз вздохнул и стал натягивать на себя мокрую одежду.

В этот раз он все сделал правильно, сначала подогнал тележку к лифту, а только потом нажал рычажок. Тело с глухим стуком упало на тележку, от этого звука в груди все похолодело. Но, стиснув зубы и отвернувшись, Данька потащил тележку к клетке.

Тело человека гораздо меньше звериной туши, и ему не потребовалось на него много времени, сначала мальчик отрезал ноги и руки, а только потом разрубил туловище на две части. Он старался не глядеть на то, что делает, хоть и понимал: если промахнется, то разрежет себе ногу.

Потом так же, не глядя, побросал останки человека в ящик в клетке и нажал рычажок. Прозвенел звонок, и звери двинулись к решетке. Данька даже не стал отодвигаться, он хотел умереть. Но звери, не обращая на него никакого внимания, стали есть.

Слушать хруст костей под их клыками и чавканье было неприятно, поэтому мальчик ушел к себе в комнату и закрыл дверь. Постирал одежду, вымылся сам, потом лег на кровать и заплакал.

Ему было горько, обидно и страшно. Только сейчас Данька по-настоящему стал понимать то, что с ним происходит.

На звездолете было тепло, арестанта кормили, и у него появился шанс пожить немного подольше, он должен этому радоваться. Только почему так болит сердце и совсем не хочется жить?

Данька заснул со слезами на глазах, и ему приснился мертвый человек, которого он разрезал. Тот жаловался, что теперь не может ходить без ног, а без рук не сможет задушить того, кто такое с ним сотворил.

Мальчик проснулся от собственного крика, открыл дверь и сразу увидел волка, стоящего у решетки. Зверь показался ему очень красивым, особенно когда по его шерсти задвигались вертикальные блестящие полосы, повторяющие массивные прутья.

– Ты, наверное, хочешь есть? – спросил Данька, глядя в огромные желтые глаза. – Придется подождать, я не слышал звонка. Лифт еще не привез еду. – Уши волка задвигались. – Так что кушать пока тебе нечего. Здесь только я, мое тело совсем маленькое, тебе, может, и хватит, а твоим товарищам нет…

Зверь продолжал смотреть на него, и от этого взгляда Даньке стало не по себе. Этот взгляд завораживал и притягивал. Мальчику показалось, что он растворяется в прозрачной желтой глубине. Все вокруг исчезло, осталось только что-то огромное и сверкающее, зовущее к себе…

Данька сделал шаг, потом второй, подходя все ближе к клетке. Мальчик не хотел идти, но тело двигалось само по себе навстречу неминуемой смерти. Его спас громко прозвучавший звонок, зверь затряс ушами от громкого звука, отпрыгнул от решетки и исчез в глубине клетки, смешавшись с другими тенями, а Данька побрел к лифту.

В ящике он обнаружил мерзлую тушу животного, похожего на оленя. Мальчик видел таких зверей по телевизору. Даже под толстым слоем инея животное не потеряло своей грациозности. Сверху лежал пакет с завтраком. Данька не спеша съел его, а потом пошел за тележкой.

Оленя он разрезал быстро, побросал куски в ящик и задвинул в клетку. Волки подошли к решетке, и ни один на него даже не посмотрел.

Тут из динамика прозвучал хриплый голос надзирателя:

– Заключенный, сегодня ты должен вычистить клетку. Будь, осторожнее, сначала загони волков в логово, а только потом заходи. Звери сейчас сыты, может быть, ты везучий и тебя не съедят. Вымой пол и сбрось нечистоты в люк. Как это ни прискорбно, парень, но тебе придется это сделать.

– Я боюсь! – крикнул мальчик, но ему никто не ответил. – Мне страшно…

Он вздохнул и пошел к вентилю, открывающему воду. Как только Данька повернул колесико, шланг заметался по полу словно живой и ударил его несколько раз, оставив на ногах неприятного вида кровоподтеки. Мальчику было больно, но он только вытер слезы и крепко сжал зубы.

Если дядя надзиратель сказал, что заключенный должен вымыть клетку, то он ее вымоет, даже если ему придется при этом умереть. Мальчик закрыл вентиль, и шланг покорно опустился на пол.

После этого повернул колесико только на пару оборотов, струя воды вырвалась из шланга всего на метр, но теперь мальчик мог его удержать.

Данька открыл дверку и, направляя воду перед собой, пошел в глубь клетки, волоча за собой шланг. Волки лежали на полу, закрыв глаза, только когда вода окатила их. хмуро взглянули на него.

Мальчику даже показалось, что он увидел в огромных желтых глазах презрение и ненависть. Звери не двинулись с места, а красивая шерсть потемнела и намокла, облепляя тощие бока.

А потом один из волков ударил его лапой и брезгливо отбросил шланг в сторону.

Данька упал, он не боялся, потому что знал, что если немного потерпит, то зверь его убьет и на этом все закончится. Не было в его жизни ничего хорошего, так что и жалеть не о чем. Он сейчас умрет и встретится с мамой. Им будет хорошо вместе…

Волк открыл огромную пасть, полную острых белых зубов, и схватил его за шею.

«Ну вот и все. Сейчас умру. И уже не страшно, только как-то обидно».

Клыки впились в горло, и мальчик почувствовал, как по коже потекла кровь. Из пасти зверя неприятно пахло, да и весил он немало, а от его лапы, которую волк поставил Даньке на грудь, дышать было тяжело.

Так зверь простоял несколько секунд, потом осторожно разжал зубы, облизнулся и отошел в сторону. Данька продолжал лежать, не веря тому, что все еще жив. Сердце колотилось так, словно он куда-то бежал, а рубашка и штаны стали мокрыми. И мальчик надеялся, что это от воды, а не от чего-то другого.

– Если вы не хотите уходить, то и не надо, – пробормотал он. – Я вымою пол, а то будет ругаться надзиратель. Да и вам будет приятно, когда клетка станет чистой. Вон сколько всего на полу, грязь, кровь, черепа человеческие…

Еще один волк подошел к нему и, наклонившись, взял зубами шнурок, висящий на шее, и потянул на себя. Мальчик покатился по полу.

Волк рванул еще раз, мешочек слетел с шеи и оказался у зверя в пасти.

Сердце у Даньки забилось неровно, какими-то толчками, от которых сотрясалось все тело. Он мгновенно вспотел, и пот этот был липким и холодным. В голове зазвенело, а потом потемнело.

Когда он очнулся, то увидел, что по-прежнему лежит на полу, а волк стоит рядом. Увидев, что мальчик открыл глаза, зверь придвинул к нему лапой мешочек.

– Ты хочешь, чтобы я его открыл? – прошептал Данька, говорить он громко не мог, во рту пересохло от страха. Волк заглянул ему в глаза и, как показалось мальчику, слегка утвердительно кивнул.

Данька открыл мешочек, вытащил нож и протянул его зверю. Тот недовольно поморщился, оскалив зубы в хриплом рыке.

– Не нужен нож? – Мальчуган вздохнул, воздуха ему не хватало, хоть дышал мелко и часто, и вытащил перстень. – Это перстень моей мамы, на твою лапу не налезет…

Зверь внимательно принюхался, взял кольцо в зубы и бросил ему на грудь.

– Хочешь, чтобы я его надел? Но для меня он слишком большой. Вот когда вырасту, тогда будет в самый раз…

Волк продолжал внимательно смотреть на него. Мальчик робко кивнул и натянул перстень на указательный палец. И вдруг увидел, что зверь, выгравированный на темном металле, похож на снежного волка. Сходство было несомненным! Особенно глаза, такие же большие и желтые…

– Это ты здесь нарисован?

Данька поднес кольцо к глазам зверя, но тот сморщил нос и отвернулся.

Затем толкнул его лапой, словно желая, чтобы мальчик поднялся. Данька встал на все еще нетвердые ноги, зверь лизнул ему лицо и отошел в сторону. Мальчик постоял еще немного, раскачиваясь из стороны в сторону.

Глаза закрывались, сердце бешено стучало в груди, ему все еще не хватало воздуха и почему-то очень хотелось спать.

Волки зашли в логово. Данька задвинул за ними засов и сел на пол, стоять уже не было сил. У него все-таки получилось загнать зверей в логово, хоть он сам был мокрым, и пол, да и все вокруг…

– Ты вымыл клетку или все еще боишься в нее войти? – донесся громовой голос из динамика. – Я скоро приду, и если пол будет грязным, то вечером волки получат на ужин тебя самого. Не забывай, порядки у нас строгие, это тюрьма, хоть и космическая.

– Я сейчас, – отозвался слабым голосом Данька. – Немного передохну и вымою…

Ему никто не ответил. Мальчик с трудом поднялся, взял шланг и стал мыть пружинящую поверхность пола. Рядом с логовом нашелся люк, когда он открыл крышку, то сразу понял, что туда и должен сбрасывать все нечистоты. Из темной глубины несло падалью.

Рядом валялся скребок. Данька провел им по полу и увидел, как легко отслаивается грязь от пластика.

Он начал скоблить, сбрасывая в люк останки зверей и людей. Особенно неприятно было смывать черепа, пустые глазницы смотрели на него, а открытые зубы весело скалились.

Данька вымыл уже больше половины, когда появился надзиратель.

– Ты меня удивил, парень. – Гигант недоверчиво разглядывал сверкающие полы. – Я видел, как тебе удалось войти в клетку, дальше рассмотреть не смог, в этом зале какие-то помехи. Как только наводишь на волков, всегда появляется рябь. Но вижу, что живой, только от тебя пахнет, должно быть, напустил в штаны?

Данька продолжать мыть, не поднимая глаз, ему было и стыдно, и все еще страшно.

– Я не знаю, может, и напустил, еще не проверял.

– Ничего, – надзиратель ободряюще улыбнулся. – Сам когда посмотрел, как волки рвут на части заключенного, потом две ночи подряд видел одни кошмары. Ладно, вижу, что стараешься. Туши зверей разрезал и скормил, клетку моешь. Может, действительно, у тебя есть подход к зверью?

– Не знаю, я все еще боюсь.

– Тебе бы надо переодеться…

– Наверно, только у меня нет запасной одежды…

– Вообще-то тебе положен комбинезон, – задумчиво произнес гигант. – Но вряд ли удастся что-то подобрать по размеру, детей мы не возим, ты первый. Возьму на складе самый маленький и пришлю лифтом вместе с иголками и нитками. Шить-то умеешь?

– Никогда не пробовал, – опустил виновато голову мальчик. – Когда у меня была мама, мне это было не нужно.

– Научишься, пусть и не сразу, это намного легче, чем кормить зверей. А твои штаны уже ни на что не годятся, мало того, что от них дурно пахнет, они уже износились. Вон сколько дыр. – Надзиратель вышел из клетки. – Работай, парень, постараюсь выбить для тебя другой паек. Мальчишка все-таки, растешь, да и сладкого наверняка хочется…

– Спасибо, дядя надзиратель. Сладкое я люблю, только давно не ел. А сколько мне еще за волками ухаживать?

– Пока не прилетим на планету, а до нее месяц пути. Будешь хорошо работать, что-нибудь придумаю, или другой паек, или что-то другое. Хотя… если подумать, летишь-то все равно на смерть…

Двери закрылись, и великан исчез так же быстро, как и появился. Мальчик грустно улыбнулся и снова взялся за шланг и скребок. Когда смыл последнюю грязь в люк, открыл логово.

Волки вышли, легли на пол, там, где пол уже высох.

Данька, волоча за собой шланг, вышел из клетки. Надзиратель оказался прав, он действительно напустил в штаны.

Мальчуган долго мылся под душем, потом побросал под струю воды одежду и лег на кровать. Он лежал и смотрел в потолок, сам не понимая, почему ему так плохо? Отчего так тоскливо и совсем не хочется жить?

Потом глаза сами собой закрылись, и он заснул. Ему приснился очередной кошмар, только на этот раз его пытались съесть не волки, а тот лохматый зверь, которого он разрезал первым. Проснулся Данька от громкого звонка.

Он встал, чувствуя себя отдохнувшим, да и внутри было уже не так противно, как раньше.

В ящике лежал оранжевый комбинезон заключенного, а под ним пассажирский пакет, в котором находились печенье, конфеты и даже мороженое. Иголка была воткнута в катушку ниток.

Мальчик съел половину и никак не мог остановиться, но когда посмотрел на лежащих волков, ему почему-то стало стыдно. Он подошел к прутьям и крикнул:

– Волки, я хочу вам дать сладкого.

Тени не пошевелились, но когда Данька крикнул во второй раз, один из зверей приблизился к прутьям. Желтые глаза внимательно осмотрели руку, в которой была зажата конфета. Нос волка сморщился, потом зверь слизнул сладкое вместе с оберткой и ушел к своим собратьям.

– Даже спасибо не сказал, – пробормотал обиженно мальчуган. – А я мог и один все съесть. Мне, даже когда жил с мамой, такая еда не часто доставалась.

Он вздохнул и пошел в свою комнату, бурча под нос:

– А с другой стороны, волки же разговаривать не умеют, как люди. Он же меня не съел? Не съел и даже не укусил, а это, наверное, уже благодарность. А может, им не нравится сладкое…

Данька потер шею, там, куда впились зубы зверя, кровь всё еще немного сочилась, и разложил на полу оранжевый комбинезон. Он был большим, очень большим. Но на свои штаны и рубашку мальчик даже смотреть не мог, они до сих пор напоминали ему о пережитом страхе. Поэтому Данька отнес их к люку, сбросил в дурно пахнущую темноту и взялся перекраивать одежду.

Конечно, у него сначала ничего не вышло. Но когда подрезал штаны, вырезал из спинки куртки большую полосу и сшил это все, получилась какая-то одежка. Она была некрасивой, но в ней вполне можно было ходить. Рассмотрев себя в куске полированного металла, Данька решил, что все не так уж и плохо, и решил показать комбинезон волкам.

Но едва он подошел к прутьям, как волки с ревом кинулись к нему. Мальчик обмер от страха и неожиданности, чувствуя, как и новый комбинезон становится мокрым.

Около решетки звери остановились, потом, недоуменно обнюхав его, вернулись обратно. А Данька снова пошел стирать…

Больше волки его не пугали. Через неделю он уже спокойно входил к ним в клетку, когда требовалось ее вымыть, а иногда и просто так, чтобы поговорить. Ему было очень одиноко, а, кроме зверей, никого живого рядом не было.

Иногда мальчик забывал запирать клетку, и волки приходили к нему в комнату, но ненадолго, в клетке им больше нравилось.

Скоро Данька узнал, что среди волков один был самкой.

Откуда у него появилось это знание, мальчуган не понимал, как и то, почему два других волка, которые были гораздо сильнее волчицы, всегда слушались ее, именно она не дала загрызть его, когда они еще не были так хорошо знакомы. И это самка заставила мальчика показать ей перстень. Он и сейчас приводил волчицу в хорошее настроение, поэтому Данька, когда заходил в клетку, всегда надевал его на большой палец.

В общем, жизнь как-то наладилась. Единственное, что по-прежнему было неприятно, так это резать людей, а потом видеть, как волки едят их тела. Но заключенные стали поступать все реже и реже, большинство уже адаптировалось к полету, и умирали не так часто, как вначале.

Корабль двигался плавно, и мальчик привык к полету. Ему уже нравилось, что его заставили ухаживать за волками. Звери не обижали его так, как люди. У него была своя комната, неплохо кормили. А что еще нужно мальчишке, чтобы он был доволен жизнью?

Данька стал намного сильнее, регулярный физический труд пошел ему на пользу, его тело нарастило мышцы, плечи раздались, и даже комбинезон, скроенный им так неумело, уже не висел как на вешалке.

Но всему когда-то приходит конец. Однажды, проснувшись, мальчик почувствовал, что тело становится тяжелее. Звездолет начал торможение.

А еще через три дня надзиратель потребовал, чтобы Данька загнал волков в логово. А когда он это сделал, появился сам. Осмотрев засов на логове, великан зафиксировал его металлическим прутом.

– Зачем вы это делаете? – спросил мальчик. – А как их теперь кормить?

– Кормить ты их пока не будешь, – пробурчал гигант. – Скоро начнутся перегрузки, в логове пол мягче, и звери не получат травм. Несколько дней поголодают, ничего с ними не случится. А вот еда, это то, что может их погубить во время торможения. И вообще, тебе надо не о волках беспокоиться, а о самом себе. Корабль входит в звездную систему, скоро будем на месте. На планете даже взрослые сильные мужчины погибают сразу после высадки. Законы среди заключенных жестокие, поэтому я решил подарить тебе кинжал. Никому не показывай его на звездолете, а то у меня будут неприятности. Это не очень серьезное оружие и вряд ли тебе чем-то поможет, но у меня на сердце будет спокойнее…

– Спасибо, дядя надзиратель, – поблагодарил Данька. – Вы не беспокойтесь обо мне, я не боюсь умирать.

– А все молодые не боятся, не ты один. Это когда становишься старше, начинаешь ценить то, что у тебя есть, тогда и становится страшно. Ладно, парень, я все тебе сказал, иди к себе в комнату, ложись, часа через два начнутся перегрузки.

Надзиратель ушел, а мальчик прокричал волкам через закрытую дверь логова, чтобы они не пугались.

Понять, они, может, его и не поняли, но, как сказал надзиратель, на сердце у него стало спокойнее. Данька пошел к себе в комнату, что было непросто – его вес увеличивался с каждой минутой. После месячного полета, когда мальчик весил вполовину меньше, это было непривычно и тяжело. Хорошо еще, что все время полета он много таскал тяжестей, мышцы окрепли, и повышенная гравитация пока не мешала ходить. Когда мальчик добрался до своей комнаты, прозвенел звонок.

Данька поковылял к лифту, открыл ящик и увидел четыре пакета с едой и большой нож в пластиковых ножнах.

Выглядело оружие устрашающе, мало того, что лезвие было размером с его предплечье, на нем еще имелись острые зубцы, которыми можно было перепилить даже кость.

Еще в ящике лежали ремни для того, чтобы спрятать нож под одеждой. Мальчик разделся и привязал оружие ремнями прямо за спину.

Идея оказалась неудачной, потому что как только он лег, нож уперся Даньке прямо в позвоночник. И когда начались перегрузки, его так придавило к кровати, что кости затрещали. Ругая себя за глупость, мальчик расстегнул ремни и бросил кинжал на пол.

А потом потерял сознание.

Очнулся он довольно скоро. Вес его не стал меньше, но уже больше и не увеличивался. Мальчик попробовал встать, но не смог даже опустить ноги на пол.

Чтобы как-то отвлечься, он стал вспоминать лицо мамы. Все, что она ему говорила и чему учила, но это мало помогало.

Периодически корабль тормозил рывками, и тогда Данька снова терял сознание. Сколько это продолжалось, мальчик не знал, возможно, это длилось не один день, а может, и всего несколько часов, но, очнувшись в очередной раз, он почувствовал, что дышать стало легче.

А спустя час Данька уже смог встать и даже сходить в туалет, а после этого, тяжело топая ногами по эластичному покрытию, он отправился к логову волков.

– Как вы там, живы? – прокричал мальчик издалека.

В ответ послышалось непонятное сопение. Данька вытащил металлический прут, держащий запор, и открыл логово. Волки лежали на мягком полу, и вид у них был, надо сказать, не очень хороший, шерсть стала грязной и какой-то бурой, а языки вывалились из пасти.

– Мы подлетаем к планете. Потерпите еще немного, и вас выпустят.

Не надо было ему ходить к волкам. Но это мальчик понял только на обратном пути. Корабль резко затормозил, и он не удержался на ногах. Терпеть перегрузки на полу, пусть и пружинящем, оказалось совсем не одно и то же, что на мягкой кровати.

Грудь его сдавило, а в глазах потемнело.

Этот рывок корабля был последним. Шумы двигателей, которые стали за время полета настолько привычными, что Данька уже их не замечал, стихли. Мальчик с трудом встал, охая от боли. Тело представляло собой один большой кровоподтек, на него даже смотреть было страшно. Оно приобрело багрово-синий оттенок, большей частью это относилось к спине, на которой пришлось лежать во время последнего торможения.

Мальчик долго стоял под холодным душем, надеясь, что таким образом снимет боль. Но вода не помогла, он чувствовал слабость и боль, идущую изнутри.

Данька решил, что у него повреждены внутренние органы и скоро он умрет. Тогда пошел к логову, кривясь от боли при каждом шаге.

Мальчик отбросил металлический прут и, ухватившись руками за дверь, стал ждать, когда звери выйдут: это была единственная поза, в которой боль была более-менее терпимой.

Волчица появилась первой. Подойдя к Даньке, долго его обнюхивала, недовольно морща нос, потом сильно толкнула плечом. От удара об пол и от вспыхнувшей боли Данька сразу потерял сознание.

Когда очнулся, то долго не мог понять, где находится. Он только чувствовал, что все еще жив, а тело у него почему-то все мокрое.

Мальчик открыл глаза и увидел, что лежит голым на полу клетки. Его комбинезон, который он так старательно кроил и шил, лежал рядом разорванный в клочья, а волки лизали его тело.

«Они хотят меня съесть. Звери же ничего не ели все время, пока корабль тормозил. Только почему меня не сожрали, пока я был без сознания, а ждали, когда очнусь?»

Мальчик повернул голову, чтобы спросить, но вынужден был тут же закрыть глаза, потому что мокрый язык волчицы облизал его лицо. Потом его толкнули, переворачивая на живот. Волки стали лизать спину, и Данька по-прежнему не понимал, зачем они это делают.

От влажных шершавых прикосновений боль уходила и даже внутри становилось не так уж плохо.

Звери вылизывали его так долго, что мальчик успел немного подремать, пока волчица не зарычала.

Данька сумел встать и понял, что даже в состоянии идти.

И еще он услышал длинный пронзительный звонок, на дверке лифта мигала красная лампа.

В ящике лежало большое лохматое животное, покрытое густым слоем инея, должно быть, надзиратель решил накормить волков перед высадкой.

Вибронож был тяжелым, а мальчик все еще чувствовал слабость, но он заставил себя работать. Через час уже Данька был мокрым от пота, кожу саднило, особенно там, где имелись кровоподтеки, но большую часть туши все-таки удалось разрезать.

Мальчик потащил тележку к клетке, открыл дверь и, побросав мясо на пол, сел без сил рядом. Волки жадно набросились на еду.

Данька немного передохнул и пошел в душ, чтобы смыть с себя грязь, пот и кровь.

Тело уже болело не так сильно, как раньше, кровоподтеки понемногу исчезали. Вероятно, слюна волков обладала какими-то целебными свойствами.

Жалко было только комбинезон. Данька долго возился с ним, прежде чем зашил, вышло некрасиво и не очень прочно, и он с грустью решил, что такая одежда вряд ли теперь прослужит долго.

Мальчик проголодался, поэтому достал пакет и съел все, что в нем было, включая овощи, которые никогда не любил.

Усталость была такой, что даже шевелиться не хотелось. Но едва Данька стал засыпать, как услышал громкий голос надзирателя по динамику:

– Заключенный, звездолет находится на орбите. Подготовь волков к перелету.

– А что я должен делать? – прокричал Данька в открытую дверь, надеясь, что его услышат.

– Зверей нужно загнать в логово. А дальше делай то, что тебе скажут. В трюм спускается один из членов экипажа.

Мальчик напился воды и, пошатываясь от усталости, зашел в клетку. Он погладил волчицу по голове и сказал:

– Вам нужно зайти в вашу спальню. Сейчас сюда придет звездолетчик, и вас отправят на планету.

Уши волков вздрагивали от звуков его голоса, но они не двинулись с места. Данька вздохнул, сел с самкой рядом, обхватил ее огромную голову руками и прошептал в ухо:

– Хоть ты меня и не понимаешь, но выслушай. Нужно сделать так, как я сказал. Звездолетчик не войдет, если увидит, что вы на свободе, и мы навсегда останемся здесь.

Он, поднатужившись, попробовал приподнять волчицу. Данька хоть и накачал за время полета мускулы, но приподнять самку ему не удалось. Волчица зарычала.

– Нужно идти, вставай, – прокричал мальчик в большое ухо. Самка отпрянула от него, раздраженно оскалив клыки.

– Не сердись. Я же не просто так тебя заставляю, это действительно необходимо.

Данька начал подталкивать волчицу к логову, она сделала один шаг, потом второй, все так же недовольно рыча, и уперлась лапами перед дверью.

– Ну почему ты такая непослушная? – вздохнул мальчик. – Скоро все закончится, и вы сможете бегать по земле. Потерпи немного, пожалуйста. Не идти же мне за шлангом, и вам это неприятно, и мне.

Волчица взглянула ему прямо в глаза, Данька не знал, что она там увидела, но после этого вошла внутрь, а вслед за ней и два других волка. Мальчик облегченно вздохнул и задвинул засов.

Едва он успел это сделать, как увидел Кротко. Тот приоткрыл дверь, осмотрелся, потом зашел в клетку, посмотрел на дверь логова и только тогда хмуро произнес:

– Рад тебя видеть живым, парень. Как ты себя чувствуешь?

– Чуть не умер, когда вы тормозили, – признался Данька, – Все тело теперь болит.

– Извини, друг, – развел руками звездолетчик. – По-другому не получалось. Топливо надо экономить, а то обратно может и не хватить. Неправильно рассчитали подлет. У этой звезды мощное притяжение, пришлось корректировать траекторию. Как поживают снежные волки?

– Звери живы и здоровы. Перегрузки им не страшны.

– Да, полетать им пришлось, – согласился Кротко. – Один из звездных разведчиков привез их с собой с какой-то планеты. Не знаю, что случилось, но разведчика арестовали, а снежных волков отправили на Землю. Они какое-то время жили в одном из зоопарков, пока не пришел приказ переправить их сюда. Вряд ли звери здесь приживутся, но приказ есть приказ, его не обсуждают. Ну что тут поделаешь, нужно готовиться к посадке. Полетишь на планету-тюрьму, как это ни печально. Готов?

– Я не против. Хочется постоять на земле, подышать свежим воздухом…

– Там очень трудно, – помрачнел звездолетчик. – В звездолете тепло, не надо думать о пище, а внизу не будет ни еды, ни крыши над головой, да и хищников там хватает. Снежные волки, как бы они ни были опасны, в сравнении с хищниками, что живут внизу, всего лишь домашние мелкие щенки. В плохую историю ты попал, только помочь мы тебе не можем. Лучшее, что смогли придумать, это отправить тебя на планету вместе с волками. Ты же их не боишься? Я слышал, как надзиратели разговаривали между собой о том, что тебя звери не трогают.

– Я с ними подружился, они меня слушаются. – Данька с опаской посмотрел на логово, а вдруг волки его слышат: еще подумают, что он хвастается. – Сначала они на меня, конечно, сердились и чуть не съели, а теперь все хорошо…

– Что ж, парень, возможно, это и есть твой единственный шанс остаться в живых. Живи вместе с волками, возможно, они сумеют себя защитить и от людей, и от зверей. Только, думаю, что они сразу убегут от тебя после высадки.

– Наверное, так и будет. Волки тоже устали от полета.

– Я высажу вас на одном из горных плато, подальше от колонистов. В горах и живность не так агрессивна, и людей поблизости не будет. А дальше все будет зависеть от тебя самого…

– Спасибо за то, что вы так добры ко мне. А что будет, то и будет, так всегда говорила мама.

– Да, она в этом права. Похоже, это твоя судьба, а от нее не убежишь. Зверей нужно загнать в кормовой отсек шлюпки. Это не простая задача, но ты должен справиться. Мы специально разместили их здесь, чтобы было легче, челноки находятся за стеной.

Кротко отошел к стене, отодвинул панель, вытащил небольшой пульт управления и пощелкал кнопками. Прутья решетки опустились вниз.

Потом нажал еще несколько кнопок, и металлическая стена раздвинулась. За ней оказалось помещение, в котором находились четыре закопченных корабля, такие же, как и тот, на котором мальчика перевезли на звездолет.

Звездолетчик поднялся по небольшой лестнице в один из кораблей, и на пружинящий пол опустился металлический трап.

– А вот теперь, парень, – донесся голос Кротко из динамика, – ты должен заставить волков войти в трюм шлюпки. Помочь тебе ничем не смогу. Если сказать честно, я этих зверей боюсь. Сделаешь это сам или мне вы вызвать надзирателей? Они воспользуются шокерами или усыпят зверей газом.

– Я сам! – крикнул Данька.

– Если ты не уверен, лучше не надо. Не хотелось бы видеть, как волки тебя разорвут.

– Они меня послушаются.

Мальчик открыл дверь логова. Волчица принюхалась, потом гневно зарычала.

– Ты что на меня рычишь? – спросил недоуменно Данька. – Я же говорил тебе, корабль прилетел и сейчас нужно идти в шлюпку…

Волчица, не обращая на него внимания, выскочила из логова, обежала помещение, задержавшись на мгновение там, где были прутья. Потом издала резкий рык. Тогда вышли два других волка, и все вместе звери направились в трюм, остановившись у трапа.

Данька сбегал в свою комнату и, закрепив ремнями подаренный ему гигантом надзирателем нож и захватив два оставшихся пайка, поспешил к шлюпке. Звери яростно рычали, задрав морды вверх.

– Дядя звездолетчик сидит в корабле и ждет, когда вы зайдете внутрь, – пояснил мальчик. – Это его запах вы учуяли, а больше здесь никого нет. Идите за мной.

Данька вошел в отсек шлюпки. Волчица осторожно последовала за ним и остановилась, настороженно принюхиваясь, потом издала негромкое рычание, и другие волки встали с ней рядом. Металлический трап стал подниматься. Волчица заскулила, и Данька обнял ее за шею.

– Не бойся, ничего с нами не случится. Скоро мы окажемся на земле и больше никуда не полетим…

Глава 3

– Что будем делать? – спросил Траст. – Воздуха в скафандрах хватит на час, останется только пятнадцатиминутный резерв, его может и не хватить, чтобы спуститься на землю.

Пирс проследил за десантным челноком, который прошел под ними на малой скорости.

– У меня есть запасной баллон с кислородом, его хватит еще на шесть часов, так что об этом пока можешь не беспокоиться. Как только десантники успокоятся и перестанут нас искать, тогда и вернемся на землю. Среди этого мусора им нас не найти и на спуске не засечь, а вот если увидят след, тогда погонятся, нужно немного подождать. Должно же им надоесть?

– Вон тот спутник мне нравится, – Траст оттолкнулся от рамы. – Посмотрю его начинку, все равно делать нечего.

– Кому что, а тебе только копаться в старой рухляди, – проворчал Пирс– А что ты думаешь о том, что рассказал Зигин?

Траст открыл панель аппарата и стал задумчиво разглядывать его внутренности.

– По-моему, и так все ясно. Он нам дал вполне четкие и ясные указания. Нужно найти его сына и отправить на твою планету, а там будем его учить тому, что сами знаем. У меня есть пара компьютерных программ, если их переделать, получится то, что нужно.

– И как ты собираешься искать мальчишку?

– Как всегда просто, дай мне только добраться до правительственного терминала…

– Занятная идея. – Пирс проводил взглядом челнок, который прошел в паре километров от них. – Только эта задачка не проще, чем попасть в тюрьму к Зигину. Я, конечно, могу кое-что придумать…

– Знаю я все твои придумки. – Траст хмыкнул и снял несколько плат. – Тебе бы только пострелять, взорвать пару зданий, а потом снова спрятаться в космосе. Нет, туг нужна тонкая работа. Никто не должен узнать, что мы имели доступ к правительственным секретам, иначе и лезть туда незачем.

– Что ты предлагаешь?

– Собрать информацию о том, как организована охрана, а уж потом планировать. – Траст оттолкнулся от спутника и вернулся к раме. – У меня воздух на нуле, давай свой баллон.

Пирс подсоединил шланг.

– Значит, тонкое проникновение? Это дорогое удовольствие, имперские секреты охраняются лучше, чем тюрьмы. Знаешь, сколько стоит хорошее оборудование?

– Я верну все затраченные деньги, дай только подсоединиться к большому компьютеру. У правительства есть тайные счета, и если с них брать понемногу, то шума поднимать никто не будет…

– Тогда договорились. – Пирс взял в руки пульт управления санями. – Пристегивайся. Мягкую посадку не обещаю, топлива мало осталось, да и не хочу, чтобы десантники знали, куда мы направимся. Так что держись!

Рама резко рванула в сторону, потом по замысловатой траектории устремилась вниз. Боевые скафандры едва выдержали перепад температуры, но спустились они без больших проблем.

В сотне метров от поверхности кончилось топливо, и конструкция рухнула в море, но это было уже не страшно.

Через час они добрались до скалистого пустынного берега, где у Пирса была спрятана машина.

Через неделю разведчики сидели в небольшом кафе, напротив огромного правительственного небоскреба.

– Может, просто возьмем и зайдем? – Пирс выпил глоток пива и поморщился. – Ох и гадость! Посмотрим, какая у них охрана? Останемся на ночь, забьемся в какой-нибудь угол, а ночью все и провернем…

– Я же сказал, мы не должны оставить никаких следов. – Траст посмотрел на экран карманного компьютера. – В этом здании камеры стоят на каждом этаже, десяток в холле, все комнаты тоже ими оборудованы. Будь у нас с тобой даже чистые документы, все равно уже через час на нас организуют настоящую охоту, а в ней, поверь, пленных не берут. Устроят самый настоящий отстрел. Все посетители проходят тройной контроль, отпечатки пальцев, сканирование роговицы, идентификация, ну и тому подобное. Кроме того, сюда запускают только по приглашению. Пронести оборудование будет невозможно, а что без него там делать?

– Как ты любишь замысловатые задачки. Скажи хоть, куда тебе надо?

– Два верхних этажа меня вполне устроят.

– Тогда пойдем через крышу. Что там приготовлено для любителей ночных прогулок?

– Два радара, они даже птиц отслеживают. На самой крыше натыкано датчиков столько, что мышь незаметно не пробежит. В случае тревоги предусмотрено дополнительное прикрытие: прилетают наши друзья – десантники все с того же звездолета на орбите, да еще примчатся из казармы те, что размещены в квартале отсюда. Полиции правительство не доверяет, допуск секретности не тот.

– Хорошо будет еще раз увидеть тупицу Джонни… – Пирс мечтательно улыбнулся. – Интересно, вставил ли он новые зубы взамен тех, что я ему выдрал, или еще нет?

– Встречаться ни с кем не будем, не тот случай. Лучше думай, как незаметно проникнуть внутрь.

– А что тут думать? Сам же сказал, у этой задачки нет решения…

– Что-то ты подозрительно быстро сдаешься. А мы обещали Зигину, что поможем его сыну. Если уж из тюрьмы не вытащили, так нужно хоть здесь не оплошать.

– Птицы, говоришь… – задумчиво пробормотал Пирс– Что ж, побудем птицами. Проникать будем через окна. Там у нас что?

– Детекторы движения, лазерная завеса, температурные датчики…

– Выбери нужное тебе окно.

– Эта комната совсем не имеет окон.

– Тогда ближайшую к ней…

Траст ткнул пальцем в план здания.

– Вот эта мне подойдет, если проникнем, не подняв тревоги, дальше все будет совсем просто…

– То есть как всегда? – уточнил Пирс. – Много стрельбы и взрывов?

– Я же сказал, мы должны быть тихими и незаметными, как мыши, а не как всегда…

– Мышь – это тоже неплохая идея. – Пирс поднялся. – Я пошел. Нужно заглянуть к одному приятелю. Но если тихо войдем в здание через окно, дальше ты со всем разберешься надеюсь сам?

– Для подготовки мне требуется пара дней, и я справлюсь…

– Ты всегда так говоришь, а потом начинаешь кричать, что у тебя ничего не получается…

– Может, ты влезешь в суперкомпьютер? – съязвил Траст. – Обойдешься без меня? Только учти, там три ступени зашиты, да еще с десяток ловушек, плюс автономная сигнализация…

– Ладно, не заводись. Через три дня встретимся, когда сам буду готов. А пока нигде не светись…

На самом деле Пирсу понадобилась неделя, прежде чем он решил, что незаметное проникновение возможно. За это время он собрал много различной информации об охране,

построил планер и обзавелся знакомыми в самом здании. Самым трудным оказалось вытащить раму из воды, отремонтировать и незаметно переправить ближе к городу…

Ночь выдалась темная, луну закрывали грозовые тучи.

Они поднялись в воздух на высоту около пяти километров, дальше рама, подчиняясь заложенной программе, вернулась на землю, а разведчики полетели к городу на небольшом планере, изготовленном из армированного пластика.

– Ты уверен в том, что охрана нас не заметит? – прошептал Траст. – Сканеры и радары работают на полную мощность…

– На отметке радаров мы будем идентифицированы как стая птиц, я проверял. Если только они не отстреливают голубей, то на нас никто не обратит внимания. И вообще молчи, сам сказал, что главное – обеспечь проникновение, так что не мешай.

Пирс аккуратно подвел планер к нужному этажу и выстрелил в стену присосками, тросы натянулись, и они повисли на высоте трехсот метров от земли.

– Что дальше?

– Начнем, если ты еще не забыл то, чему нас учили в десантной академии, – Пирс прикрепил трос к небольшой лебедке на поясе. Моторчик чуть слышно зажужжал, и разведчик поднялся к окну. Там он вытащил стекло и встал на подоконник. Траст поднялся следом, изумленно качая головой.

– Как это тебе удалось? Окна не открываются, стекла закреплены специальным сплавом.

– Смотри, он опять чем-то недоволен. Везде есть люди, а они любят деньги. Не забывай, ты обещал мне все оплатить…

– Дальше датчики и лазеры, – напомнил Траст.

– Они установлены повсюду, кроме потолка. – Пирс надел присоски на руки и на ноги и начал подниматься по стене. Оттуда перебрался на потолок, а уже по нему добрался до охранной панели. Он ввел программу с маленького компьютера, и лазеры потухли. – Можешь двигаться, вся сигнализация на этом этаже отключена, за исключением зала главного компьютера. Там своя система охраны, с ней разбирайся сам. А я займусь камерами наблюдения.

Пирс, осторожно выглянув в коридор, выпустил из баллончика струю газа. Она поднялась вверх к потолку и повисла плотным туманом.

– Вот теперь они не заметят наши хамелеоны, только не забудь опустить капюшон.

– А газ заметят?

– Нет, он для них всего лишь легкая туманная дымка, но инфракрасная съемка у них работать не будет. Это мое новое изобретение…

Пирс бесшумно скользнул по коридору. Комната, где находился суперкомпьютер, была закрыта массивной бронированной дверью.

– Ты открываешь замок, – прошептал Траст, – а я отключаю сигнализацию.

– О том, что мне придется что-то открывать, ты ничего не говорил…

– Ты же знаешь, что замки не по моей части. Ну вот, все запорол. Уходим!

– Да ладно, я пошутил. Знаю, что такие двери тебе не по зубам. – Пирс натянул на руки перчатки, на которые были нанесены нужные отпечатки пальцев, и вставил линзы в глаза. Сканеры считали отпечатки и роговицу, и стальное полотно бесшумно отошло в сторону.

– Где взял отпечатки и роговицу?

– Купил на распродаже в ближайшем супермаркете, правда, пришлось заплатить довольно много…

– Дальше лазеры и датчики, – предупредил Траст.

– Опять пойду по потолку. – Пирс поднялся на присосках по стене и прополз на другую сторону. – Я, конечно, не мышь, но на муху чем-то похож. Мы вроде Договорились, что в этом зале ты разберешься с сигнализацией без меня?

– Работай! – пробурчал Траст. – Время идет. У нас осталась всего пара часов до начала рабочего дня.

Пирс повис вниз головой, дотянулся до панели, отключил детекторы, затем легко спрыгнул на пол. Траст прошел ко второй двери. Эту он открыл сам, подсоединив к панели свой компьютер.

Им еще пришлось преодолеть десяток сложнейших систем охраны, прежде чем Траст добрался до компьютера. Времени у них до появления первых служащих оставалось не больше двадцати минут…

Они едва успели, планер заметили лишь тогда, когда разведчики выбрались за город. Два легких истребителя погнались за ними, но рама Пирса уже поднималась с земли. Планером пришлось пожертвовать, его сбили, а они снова прятались несколько часов на орбите среди старых спутников.

На следующий день утром оба сидели в кафе напротив небоскреба и пили пиво. Пирс был мрачным после бессонной ночи, Траст, наоборот, выглядел довольным. Он что-то вводил в компьютер.

– Что, не наигрался ночью? – спросил разведчик, отставляя в сторону кружку. – Предупреждаю, больше туда не полезу. Пиво тоже не стало лучше…

– А больше и не надо, – ухмыльнулся Траст. – Я в том компьютере оставил червя и небольшой передатчик, и теперь он принадлежит и мне, и правительству. Главное, чтобы никто не узнал, что мы там были.

– Тогда я пошел. Вон идет мой уборщик, за то, что он вернет крепление стекла на место и уберет после нас, ему придется заплатить двадцать тысяч, а у меня на счету осталось не больше двух…

– Это мы сейчас исправим, – Траст защелкал кнопками. – Понемногу снимем с каждого счета. Все, готово! У тебя сотня на счету.

– А я истратил больше трехсот, так и думал, что обманешь.

Пирс, тяжело ступая, подошел к маленькому невзрачному человечку. Они о чем-то переговорили, и разведчик вернулся обратно.

– Я пошел отсыпаться, – буркнул Пирс– Если не вернешь мне деньги, завтра начну готовить операцию по ограблению правительственного банка.

– Дай мне пару дней, и обещаю, что все восполню с лихвой.

– Смотри, в случае чего грабить банк пойдем вместе. – Пирс ушел, а Траст снова застучал по клавишам, бормоча себе под нос:

– Скоро, юный Даниил, отправишься в ад, а там тебя будут ждать два потрепанных жизнью звездных разведчика, они тебе помогут. Главное, чтобы ты живым добрался до них…

* * *

Как только люк закрылся, в небольшом помещении стало тесно.

– Если бы не видел это своими глазами, – раздался голос звездолетчика из динамика, – то не поверил бы. Снежные волки не поддаются дрессировке, слишком уж они независимы. Как тебе удалось добиться того, что они тебя слушают? Почему они тебя не съели?

– Я просто с ними разговариваю, – пояснил Данька, – Они меня слушают, правда, не всегда…

– Мне и смотреть-то на них страшно, не то что разговаривать. Звери съели троих заключенных, я видел, как они убивают. Никто не успел и слова сказать. Приготовься к полёту, парень, лучше всего ложись на пол.

Послышался гул запускаемых двигателей.

– Когда войдем в атмосферу, начнет трясти и бросать, но тут уж ничего не поделаешь.

– Надо лечь. – Данька обхватил волчицу за шею и стал тянуть ее вниз. Когда самка поняла, что он от нее хочет, то прорычала и растянулась на полу. Два других волка тоже легли, недовольно ворча.

Двигатели взревели, и мальчика отбросило к металлической стенке, а сверху на него навалилась туша волчицы. Человек тут же завалился на другой бок, и теперь Данька упал на нее сверху.

Самка предостерегающе зарычала и даже попыталась его укусить, но корабль снова рванулся в сторону, и волки посыпались на стену, а он упал сверху.

Их так и бросало из стороны в сторону почти весь спуск, а длился он несколько часов, и не всегда Даньке так везло, как вначале.

Когда корабль, наконец, встал на твердую поверхность и двигатель смолк, все его тело представляло сплошной кровоподтек. Хорошо еще, что переломов не получил.

Волчица во время полета перестала на него сердиться и даже пыталась прикрывать его телом от других волков, но у нее это не получалось. Трюм шлюпки был слишком тесным, так что падений на мальчика было предостаточно, и он вообще был удивлен тем, что сумел остаться в живых.

Люк открылся, металлический трап опустился за землю. В корабль хлынул свежий воздух, наполненный странными незнакомыми запахами, от которых сразу закружилась голова.

– Ну вот и все, – сказал Данька. – Мы прибыли. Только не знаю, хорошо это или плохо…

Волки, испуганно повизгивая, поползли к трапу, мальчик же еще долго лежал на полу, прежде чем смог пошевелиться. Он ожидал резкой боли, но тело хоть и ныло, было вполне дееспособным. Данька оперся на руки и выглянул наружу.

Шлюпка стояла на опорах где-то в горах. Рядом с челноком высилась серо-черная скала, уходящая за зеленоватые облака, прячущие багровую звезду чуть больше земного солнца.

– Парень, ты жив? – услышал мальчик голос звездолетчика из динамика. – С тобой все в порядке?

– Да, дядя Кротко, я живой, – отозвался Данька. – Только тело болит, нас так мотало, пока мы опускались, что волки постоянно на меня падали…

– Зря ты полез в трюм, я мог впустить тебя в кабину, тогда долетел бы с комфортом.

– Вы же мне ничего не сказали, – обиженно пробормотал Данька. – Если бы знал, то, конечно, лучше полетел бы в кабине.

– Да я как-то забыл об этом, – хохотнул Кротко. – Обычно заключенных мы в трюме и возим. Извини. А теперь оглянись назад. – Мальчик повернулся, на одной из стенок шлюпки отошла панель. – Видишь открывшийся отсек?

– Да, вижу.

– Там рюкзак, в нем оружие, еда и одежда. Возьми, пригодится. Заключенным такое снаряжение выдается только через неделю после посадки. А ты можешь взять прямо сейчас…

Данька вытащил из отсека большой рюкзак и поволок к выходу. На планете сила тяжести была чуть больше, чем на Земле, возможно, поэтому рюкзак, казалось, весил не одну сотню килограмм. Хорошо еще, что тащить было недалеко. С трапа мальчик его просто сбросил вниз.

– А теперь выводи своих зверей, мне пора в обратный путь. – Голос Кротко стал серьезным. – Ты находишься в западных горах, до ближайшего лагеря заключенных примерно месяц пути. Горы высокие, на вершинах снег и лед, так что туда лучше не поднимайся, замерзнешь. Внизу джунгли, там живет много разных тварей, которые захотят тобой полакомиться. Здесь в горах они, конечно, тоже есть, но гораздо меньше. Мы вернемся через полтора года местного времени, и я обязательно прилечу на это место. Надеюсь, что ты будешь еще жив. Может быть, нам что-то удастся придумать и вывезти тебя с этой планеты. Это все, удачи!

– Спасибо, дядя звездолетчик, – поклонился Данька тому месту, откуда слышался голос, спустился по трапу, подобрал рюкзак и пошел к скале. Волки двигались за ним, настороженно оглядывая окрестности.

Волчица вступила на каменистую почву и остановилась. Потом сделала круг по площадке, принюхиваясь и фыркая от незнакомых запахов.

– А теперь, Даниил, – послышался голос звездолетчика в динамике, – отойди метров на десять от шлюпки, чтобы я тебя не сжег при взлете.

Данька дотащил рюкзак до скалы и, оглянувшись, увидел, как шлюпка поднимается вверх, балансируя на ярко-красной струе пламени.

Потом челнок резко подпрыгнул вверх и исчез за облаками. Волчица проводила его взглядом, недовольно ворча, два других волка разошлись в разные стороны и исчезли за камнями.

Самка подошла к Даньке и толкнула головой так, что он едва не упал.

– Зачем толкаешься? – обиженно пробормотал мальчик, – Мы прилетели, это теперь ваша планета. Никто вас больше не будет загонять в клетку, вы свободны. Идите куда хотите. Я вам больше не нужен…

Волчица подняла голову, вглядываясь в его лицо своими огромными желтыми глазами, потом лизнула.

– И не лижись, – поморщился Данька. – И так противно, тело все в синяках после перелета. Все равно я не знаю, что делать и куда идти…

Самка обнюхала рюкзак, потом бросила лапой на землю и стала царапать клапан.

– Думаешь, в рюкзаке еда? Сейчас посмотрю…

Мальчик расстегнул молнию. Сверху лежал комбинезон, только он был не оранжевым, как у всех заключенных, а темно-зеленым с разводами.

Данька отложил его в сторону, решив, что обязательно наденет. Ниже обнаружились два пакета с едой, мальчик открыл один и положил перед волчицей, но та принюхалась и отвернулась.

– И зачем я все это доставал? Ты же просила. Теперь придется есть это самому.

Данька вытащил аптечку скорой помощи, фляжку с водой, большой пистолет в кобуре, пакет со спичками, набор специй, соль, сахар, большие крепкие сапоги и долго рассматривал подаренное ему имущество.

Волчица подтолкнула лапой к нему комбинезон и сапоги.

– Хочешь, чтобы я переоделся?

Данька скинул с себя оранжевый рваный комбинезон и натянул зеленый. К удивлению, он оказался ему почти впору, похоже, что звездолетчики как-то узнали его размер. Закрепил на поясе нож и кобуру с пистолетом, а все остальное спрятал обратно в рюкзак, в том числе и раскрытый пакет с едой. Есть мальчику не хотелось, в желудке все еще неприятно бурлило после перелета.

Теперь мешок уже не казался таким большим и тяжелым. Данька забросил его за плечи и посмотрел на волчицу.

– Я готов, только все равно не знаю, куда идти.

Вернулись волки, они подошли, внимательно глядя на мальчика. Самка пихнула Даньку в бок.

– Опять толкаешься? У меня есть пистолет, сейчас рассержусь и выстрелю в тебя. Идите куда хотите…

Волчица снова толкнула его, на этот раз сильнее. Мальчик вынужден был сделать несколько шагов, самка одним прыжком догнала его и снова подтолкнула, направляя к проходу меж двух камней.

– Ты знаешь дорогу? Куда мы пойдем?

Волчица еще раз пихнула его, и он увидел идущую вверх звериную тропу.

– Ты хочешь, чтобы я шел туда?

Самка не сводила с него взгляда, от ее встревоженных желтых глаз мальчику стало как-то не по себе. Она явно хотела, чтобы он шел вперед.

– Хорошо, иду. Только не понимаю зачем? Мы находимся на большой планете, на ней есть леса, а в них много разных животных. Вы сможете охотиться и хорошо жить. Вам же нравится охотиться?

Волки обогнали его и скрылись за поворотом. Самка шла сзади, иногда пихая его в спину.

«А может, они хотят меня съесть? – подумал Данька. – Они же умные звери, дичь еще надо поймать, а тут, пожалуйста, вот живой мальчик сам идет, куда скажут. Захочется покушать, вот он. Только делать мне все равно нечего, пойду с ними. Можно, конечно, остаться, только что потом? Жить одному в чужом мире, где даже не знаешь, что тебя ждет? Нет, уж лучше с волками. Может, они меня и не съедят, а вместе веселее».

Мальчик зашагал вперед, больше не думая ни о чем.

«Что будет, то будет, – повторил он про себя слова мамы. – Все равно будет именно так, а не иначе».

Тело еще болело от ушибов, рюкзак давил к земле, а ноги подгибались, особенно тогда, когда приходилось карабкаться вверх. В таких местах Данька вставал на четвереньки, только так ему удавалось не скатываться вниз.

На новом комбинезоне под мышками уже выступили мокрые пятна. На этой планете и воздух был другим, мало того, что теплый и влажный, он еще как-то странно действовал на мальчика. Постоянно хотелось вздохнуть полной грудью, а что-то внутри не давало ему это сделать.

Данька все больше замедлял шаг, несмотря на предостерегающее ворчание волчицы. В конце концов она не выдержала, обогнала его и исчезла за поворотом. Мальчик, пройдя еще пару шагов, сел на камень, а потом лег на пыльную землю, глядя на зеленые облака. Сил не осталось совсем, голова кружилась, все вокруг виделось в каких-то серых тонах. Глаза у него сами собой закрылись, и он полетел куда-то в темную глубину.

Проснулся мальчик сразу, поднялся, не совсем понимая, где находится, закинул рюкзак за плечи и пошел дальше по тропе, хоть и не понимал, куда идет и зачем. За спиной послышался знакомый гул. Данька поднял голову и увидел, как на горизонте мелькнула шлюпка, садившаяся куда-то в джунгли.

Недоуменно пожал плечами и, сделав шаг вперед, испуганно остановился: из-за камня неожиданно на тропу вышел какой-то странный зверь и встал перед ним, перекрыв дорогу.

Он был не очень большим, меньше снежного волка, может быть, размером с самого Даньку, мальчику сразу бросились в глаза темная короткая пятнистая шерсть, красные глаза на вытянутой морде и большие острые клыки, которые даже огромная пасть не смогла вместить.

Голый хвост с небольшой кисточкой на конце раскачивался из стороны в сторону, взбивая пыль.

Мальчик положил руку на пояс, думая над тем, что ему лучше вытащить: пистолет, которым он даже не знал, как пользоваться, или нож.

Зверь негромко зарычал, медленно приближаясь к нему. Данька замер, обреченно глядя в черные глаза чудовища. В голове крутилась всего одна мысль: «Сейчас меня съедят, сейчас меня съедят…»

Хищник присел, напружинив ноги и готовясь к прыжку.

Мальчик покрылся холодным потом и судорожно заскреб непослушными пальцами по кобуре. Пистолет никак не доставался, ноги стали ватными и непослушными, даже убежать он не мог. Рядом раздался громкий предостерегающий рев.

Данька скосил глаза и увидел одного из волков, появившегося из-за камней за его спиной. Зверь гневно зарычал и выскочил вперед, закрывая собой мальчика.

Темный хищник ощерился, показывая огромные зубы. Сзади, из-за другого камня появилась волчица и, ударив зверя лапой, отскочила назад. Сбить с ног хищника ей не удалось, но на шерсти у того показалась кровь.

Зверь взревел, прижавшись к земле и переводя взгляд с волка на волчицу, его хвост бешено замолотил по земле, поднимая пыль.

Позади него появился еще один волк и мощным ударом сбил зверя с ног. Прежде чем тот успел вскочить, волчица схватила хищника за горло и резко встряхнула. Послышался сухой звук ломающейся кости.

Самка брезгливо потрогала жертву лапой и стала вгрызаться в живот, к ней тут же присоединились другие волки.

Все это время Данька стоял ни жив ни мертв, пока звук перегрызаемых костей и чавканье не привели его в чувство, тогда он нащупал рукой камень и сел, бездумно глядя в зеленоватое небо.

Звери закончили свою трапезу и исчезли за поворотом. После их ухода мальчик еще долго сидел, чувствуя слабость и подрагивающих ногах и все больше понимая, что одному ему не выжить на этой планете. Хищник, который хотел его съесть, был невероятно быстр и силен. Если бы не волки, мальчик сейчас уже переваривался бы в его желудке.

Данька полез в рюкзак и, достав фляжку, жадно выпил почти половину. Руки и ноги перестали дрожать, и он наконец-то осознал, что все еще жив. Опустил голову, стараясь рассуждать так, как учила мама, обстоятельно и Неторопливо.

– Итак, – уныло пробормотал он, – я на планете, очень плохой, если судить по тому, что мне о ней рассказывали. Здесь много зверей, которые могут меня съесть. На меня только что напал один такой. – Данька посмотрел на окровавленные останки и продолжил: – Если бы не волки, я был бы уже мертв. Почему они мне помогли? Потому что я ухаживал за ними в полете, или просто проголодались? Впрочем, это уже неважно. Главное, что они спасли меня, осталось только понять, что делать дальше. Может быть, остаться здесь и никуда не идти? Забраться на какой-нибудь камень или на скалу повыше, чтобы меня никто не смог достать?

Мальчик повертел головой, выискивая подходящий скальный уступ, потом с сожалением покачал головой.

– Это плохое решение. Пищи и воды нет, крыши над головой тоже. Долго я там не просижу, к тому же смоет первым же дождем. Нужно искать какое-то безопасное жилье. Вдруг по дороге мне встретится пещера или чья-то пустая большая нора?

Данька вспомнил большую трубу, в которой ночевал в городе. Она бы сейчас ему подошла как нельзя кстати.

– Еды хватит на два дня. Если экономить, вода закончится завтра. Вокруг горы, а тропа всего одна, значит, по ней и надо идти…

Мальчик поднял рюкзак, закинул за плечи и зашагал вперед.

– И все-таки интересно, волки меня защищали или просто захотели есть?

Словно в ответ из-за поворота появилась волчица, обошла его и пихнула в спину.

– Да не лезь ты ко мне, – недовольно поморщился Данька. – Я не могу идти быстро, поэтому не подталкивай, все равно не поможет. До сих пор внутри все дрожит.

За поворотом мальчик увидел и двух других волков. Они яростно рычали, глядя вперед, шерсть у них на загривке встала дыбом.

Волчица лапой тронула его живот, там, где висела кобура с пистолетом.

– Ты хочешь, чтобы я его достал? – спросил Данька. Самка легла перед ним, не сводя с мальчика напряженного взгляда. – Но я даже не умею им пользоваться.

Волки зарычали и подползли на брюхе к нему.

Мальчик достал пистолет, он был странной формы, ствол длинный, рукоятка маленькая, как раз под его руку, а на ней была только одна кнопка.

Данька нажал ее, и на стволе пистолета загорелся красный огонек. Волки подползли еще ближе, жалобно и испуганно повизгивая, и тут из-за поворота послышался тяжелый топот.

Мальчик поднял голову и увидел огромное животное, похожее на гигантского тигра. У него была желтая шерсть с черными полосами, мощные лапы с острыми когтями и огромные клыки, свисающие из пасти. Весил он, наверное, больше тонны, да и размером был с небольшую машину.

Зверь зарычал, и от его рева, казалось, содрогнулись горы.

Данька вытянул руку вперед, направляя на чудовище пистолет и понимая, что он ему не поможет: для того, чтобы остановить такого гигантского зверя, нужна пушка.

Тигр двинулся вперед – колоссальная масса мышц, клыков и когтей. Мальчик испуганно нажал на курок, из пистолета вырвалось пламя, его отбросило назад отдачей, и. мальчик покатился по земле. Он больно ударился о камень и заплакал от боли в плече и еще больше от страха.

Волчица лизнула его в лицо. Данька отстранился и приподнялся, испуганно оглядываясь. Пистолет лежал на земле там, где он его выронил, а волки напряженно смотрели за поворот. Они уже не выглядели такими испуганными, шерсть на загривках улеглась, да и рычать они престали. Тигра нигде не было видно.

Заметив, что мальчик встает, волки осторожно двинулись вперед. Данька поднял пистолет, из ствола неприятно пахнуло горьким дымом. Он нажал на кнопку, и красный огонёк на стволе потух. Мальчик с облегчением вздохнул и засунул пистолет в кобуру.

Похоже, что оружие, которое ему дали звездолетчики, было очень мощным и, должно быть, сильно напугало тигра.

Волки остановились и стали лизать кровь из небольшой лужицы, на краю которой лежал кусок желтой шерсти.

– Ты хочешь сказать, что я все-таки в него попал? – недоверчиво спросил мальчик волчицу. – С первого же выстрела?

Самка фыркнула, прошла мимо и скрылась за поворотом.

– Могли бы и поблагодарить меня за то, что я всех спас, – пробормотал Данька, идя следом. – Стрелок я, конечно, неважный, но все равно же как-то попал.

Впереди, насколько позволял рельеф местности, никого не было видно, волки бежали первыми, слизывали капли крови с земли.

За поворотом тропа резко пошла вниз, спускаясь в узкое ущелье. Подошвы скользнули по голому камню, и мальчик покатился вниз.

Он смог остановиться, только больно ударившись о большой камень. Кожа на ладонях была содрана до мяса, и на ней выступили густые темные капли крови. Данька помахал руками, чтобы немного их остудить, и, морщась от боли, побрел дальше. Тропа, сделав небольшой поворот, ушла в густые заросли.

Он осторожно направился туда. Пробившись сквозь кустарник, вышел на большую поляну, посередине которой лежал мертвый тигр. Волки уже рвали его тело, жадно пожирая большие куски мяса.

Мальчик не поверил своим глазам, но похоже, что его выстрел и на самом деле убил зверя. Данька с уважением потрогал кобуру. Он постоял рядом, потом, видя, что на него никто не обращает внимания, пошел дальше.

Поляна спускалась вниз к скале, из-под которой вытекал небольшой ручей. Данька опустил горящие ладони в прохладную воду и облегченно вздохнул. Боль стала отступать, а ручеек окрасился в розоватый цвет. Данька попробовал воду, и она ему не понравилась, у нее был резкий кислый вкус.

Мальчик разделся, вымылся, постирал комбинезон и, достав из рюкзака небольшую аптечку, смазал ранки на ладонях заживляющим гелем. Боль стала слабеть, а ладони покрылись прозрачной пленкой.

После этого он лег на густую темно-синюю траву, бездумно глядя в зеленовато-серое небо.

У Даньки не было сил и желания куда-то идти, да и волки, похоже, тоже никуда не торопились. Они ели, чавкая так, что их было слышно даже здесь, периодически подбегая к ручью, чтобы полакать воды.

Мальчик положил под голову кобуру с пистолетом и закрыл глаза, ноги гудели, да и все тело ломило от усталости. Скоро он заснул, и сны его были плохими, но ни один не запомнился.

Проснулся Данька, только почувствовав горячее дыхание на своем лице. Волчица стояла над ним, внимательно вглядываясь в его лицо, от ее взгляда мальчик даже поежился, было что-то в нем такое, что он не мог объяснить. Увидев, что человек открыл глаза, волчица подтолкнула к нему кусок мяса.

– Я не буду, – покачал головой Данька. – У меня остались еще пакеты.

Самка продолжала пристально на него глядеть, и мальчик понял, что она не отстанет, пока мальчик не съест принесенное.

– Я не ем сырое мясо. Его нужно как-то обжарить, а для этого необходим огонь.

Волчица фыркнула и мотнула головой в сторону кустарника.

– Думаешь, так легко развести огонь, если ни разу в жизни не делал этого?

Самка отошла и легла у ручья, продолжая глядеть на него.

Данька вздохнул: хочет он или не хочет, а костер придется развести. У него всего два пакета, и уже послезавтра ему надо будет питаться тем, что удастся добыть, так почему бы не сейчас? Жареное мясо – это совсем неплохо, только сначала нужно каким-то образом приготовить его.

Сколько мальчик себя помнил, он всегда жил в городе, не в одном, так в другом, еда продавалась в магазинах и уже была кем-то приготовлена. А как жарят мясо, Данька только один раз видел по телевизору: герой фильма, убив из старинного ружья грациозное и красивое животное, тогда повесил тушку над огромным костром.

Мальчик посмотрел на тот кусок, что принесла волчица – он был совсем не таким красивым, как в фильме, каким-то грязным и кроваво-красным. Наверно, это было не то мясо, которое можно есть. Но самка по-прежнему не сводила с него глаз, и Даньке пришлось подчиниться. Он пошел к кустарнику, нашел толстую сухую ветку. Пришлось ее распилить.

Нож, который ему дал надзиратель, легко справился с этой задачей и даже не затупился.

Мальчик напилил еще сухих веток и на берегу ручья сложил костер. Спички, которые положили в его рюкзак звездолетчики, оказались с секретом. Как только он поднес к веткам пластиковую палочку, из нее вырвался всполох огня, и сучья сразу загорелись.

– Так, костер у меня уже есть, – довольно улыбнулся Данька. – Осталось всего ничего – только поджарить, и еда готова. Мальчик вымыл кусок в ручье, насадил на сук кусок мяса и воткнул его в землю над огнем. Через полчаса мясо закоптилось и покрылось темной коркой. Пахло оно аппетитно, но на вкус оказалось жестким и горьким, и первый же кусок, который мальчик отрезал, ему не удалось даже прожевать.

Когда от жевания заболели челюсти, а мясо превратилось в серую неаппетитную жвачку, Данька выплюнул его и отрезал кусок поменьше.

Этот ему удалось прожевать и проглотить, отчего в желудке сразу появилась неприятная тяжесть.

Мальчик напился кислой невкусной воды, тихо обругал себя за неумение готовить и стал устраиваться на ночь.

Багровое солнце спряталось за скалой, быстро темнело. Волки расположись вокруг костра, глядя огромными желтыми глазами на языки малинового огня.

Данька подложил под голову рюкзак и сомкнул веки.

Он прожил длинный, наполненный событиями день, встретил двух зверей, которые хотели его съесть, и даже убил одного из них. А еще съел кусок мяса, который сейчас лежал камнем в животе.

Едва мальчик подумал об этом, как ему стало плохо, на лбу выступила испарина, а содержимое желудка подступило к горлу.

Он откатился от костра, его вытошнило, потом еще раз. Злополучный кусок мяса выскочил из него, точнее то, что осталось от него после пребывания внутри, и ему стало чуть легче.

Данька напился из ручья, чтобы исчез неприятный вкус во рту, но от воды его еще раз стошнило. Его охватила такая слабость, что он едва дополз до костра. Лоб стал влажным от выступившего пота.

Мальчику было плохо, очень плохо, он простонал, закрыл глаза, и его понесло куда-то вверх. Земля стала раскачиваться под ним, поднимая все выше и выше. А потом он стал падать в темную жуткую пустоту…

Никогда в жизни Даньке еще не было так легко и приято и в то же время страшно, в памяти осталось приятное ощущение полета, сливающееся с паническим ужасом. Где-то в глубине он увидел маму, она летела рядом с ним и говорила:

– Ты не можешь умереть, Даниил. Ты должен жить.

– Мама, я не хочу жить! – закричал Данька. – Я устал быть один.

– Ты не можешь, пока не пришло твое время, тебе еще так много нужно узнать и сделать.

Она взмахнула рукой, и мальчик покатился вниз к земле, к густому горькому запаху травы и острой боли в желудке.

Очнувшись, он почувствовал влагу на своих веках, волчица лизала ему лицо.

– Отойди, – прошептал Данька. – Не мешай мне болеть. Я не умру, мне мама не разрешает.

Самка легла рядом, согревая своим теплом. Мальчику было так же плохо, как в звездолете. Только рядом с ним не было врача или просто людей – только снежные волки. Ему было грустно от одиночества, от боли в желудке и по-прежнему хотелось умереть.

Данька вздохнул и полетел вверх, вслед за своим вздохом. Он летал между ярких холодных звезд, оставив больное л усталое тело далеко внизу. Мальчик знал, что ему плохо еще и потому, что тело пытается подстроиться под горькую воду, плохой воздух, жгучее солнце и полуторную силу тяжести.

А потом он заснул. Сны были цветные и очень яркие, и в них ему было хорошо.

Утром мальчик проснулся от лучей яркого солнца, бьющих прямо в глаза. Данька приподнял голову и простонал. Кожа горела, ему не хватало воздуха, а сердце билось как сумасшедшее. Во рту было сухо, словно он не пил уже много дней, а ноги и руки стали настолько тяжелыми, что ему никак не удавалось их поднять.

Мальчик еще раз простонал и перекатился на бок. Волчица, подняв голову, напряженно следила за ним. Данька хотел сказать, чтобы она не беспокоилась, но из горла вырвался только хрип.

Мальчик перекатился еще раз, обдирая руки и лицо о камни, встречающиеся в густой траве. Ему нужна была вода, много воды.

После нескольких перекатов мальчик упал в ручей. Вода обдала разгоряченное тело холодом, Данька опустил в нее лицо и пил до тех пор, пока не стошнило. Густая, вязкая, пахнущая желчью масса вышла из него и поплыла вниз по течению.

Потом его вытошнило еще раз. Он продолжал вливать в себя воду до тех пор, пока в животе не забулькало. Данька замерз, но выбраться из ручья не смог, не хватало сил.

– Помоги, – простонал мальчик. – Волчица…

И почувствовал толчок в бок, самка стояла на берегу, внимательно глядя на него.

– Помоги выбраться на берег, – прошептал Данька. – Не могу, ослабел.

Волчица тронула его лапой.

– Так ты меня не вытащишь…

Он перекатился на бок, самка помогла ему, чуть подталкивая лапой. Мальчик сделал еще два переворота, но взобраться на берег все равно не смог. Тогда волчица аккуратно взяла его за комбинезон и выкинула на берег. Даньке снова стало плохо, его затрясло мелкой дрожью, руки и ноги стали неметь, а потом он снова начал куда-то падать.

На этот раз и в беспамятстве мальчик чувствовал слабость и боль, холод и жар и все ту же сухость во рту, хоть выпил воды столько, что она все еще неприятно булькала в желудке.

Когда больной очнулся, то увидел, что солнце уже садится за гору. День прошел так быстро, что он и не заметил: только что было утро, и вот уже ночь. Данька встал на четвереньки и огляделся, он был один на поляне, волки ушли, бросили его…

«Ну и правильно. Зачем им больной мальчишка?»

В голове стоял непрекращающийся звон, а лицо было влажным от пота. Мальчик поднял руку, чтобы вытереть капли, и от этого движения так устал, что заснул на половине движения.

Когда он проснулся, наступило новое утро. Солнце светило в глаза яркими багровыми лучами, пробиваясь сквозь плотные серые облака.

Трясущимися руками Данька открыл клапан рюкзака, вытащил пакет и дернул застежку, чтобы еда начала разогреваться, а потом достал фляжку. Он выпил все, что в ней было, и на какое-то время ему стало легче, даже руки перестали дрожать.

Съев горячее безвкусное варево из пакета, мальчик опустился без сил на мокрую траву – ночью, похоже, прошел дождь. Мальчик насквозь промок и даже не заметил этого.

Чувствовал он себя все еще не очень хорошо, но слабость отступила. Данька встал, недоверчиво прислушиваясь к своему телу.

«Если смогу, то надо идти, не умирать же здесь, да и холодно. Я весь промок, так можно и заболеть».

Данька обошел поляну, туша тигра с выеденным брюхом так и лежала в густой темно-синей траве, и вокруг нее ползали странного вида насекомые. От зверя неприятно пахло, хорошо еще, что слабый ветерок отгонял запах падали в сторону. Следов волков он не нашел.

Мальчик крикнул, потом еще раз, но ему откликалось только эхо.

Данька устало покачал головой и стал искать продолжение тропы. Она нашлась за кустами, и в самом ее начале в луже был виден след волчьей лапы. Волки ушли в этом направлении.

Мальчик набрал во фляжку воды, напился еще раз и отправился по тропе, поднимающейся все выше и выше к зеленовато-желтому небу. Кустарник и трава исчезли, остался только голый камень. Вершины гор прятали плотные серо-черные облака.

Подниматься было тяжело, а он все еще чувствовал слабость. Мальчик часто останавливался, переводя дыхание.

Огромные камни высотой с двухэтажный дом валялись повсюду, и Даньке казалось, что в их густой тени прячутся хищные звери, он доставал пистолет, но когда подходил ближе, оказывалось, что там никого нет.

Мальчик все больше понимал, насколько с волками ему было спокойнее. Уж что-что, а хищных зверей они чувствовали издалека.

Тропа стала еще круче, и дальше ему пришлось карабкаться на четвереньках, по-другому не получалось. Рюкзак хоть и был легким, все равно давил своей тяжестью, пытаясь сбросить вниз.

В какой-то момент Данька решил, что глупо лезть в горы, тем более что и звездолетчик его об этом предупреждал.

Но возвращаться было так же бессмысленно, как и идти вперед.

Крутой подъем закончился небольшим плато. Здесь можно было отдохнуть, не боясь свалиться вниз. Мальчик долго лежал, глядя вверх на багровое солнце и темные тучи, которые периодически застилали зеленоватое небо.

Тропа пошла вниз, петляя среди камней, опасно приближаясь к обрыву. Данька шел медленно и осторожно, цепляясь разбитыми в кровь руками о скалу. Внизу до далекого горизонта расстилался плотным зеленым ковром лес, и только стаи черных птиц взмывали над деревьями.

Когда спуск стал еще круче, мальчик не удержался и покатился вниз, увлекая за собой мелкий щебень. Хорошо еще, что вовремя успел ухватиться за небольшой куст у самого обрыва, иначе свалился бы вниз на острые камни.

Солнце застыло в верхней точке, наступил полдень – время обеда. Мальчик попробовал на вкус траву и с отвращением выплюнул, она была невыносимо горькой.

– И что мне есть? – спросил он сам себя. – Трава горькая. От мяса я заболел, пакеты кончились.

Голос звучал странно, особенно когда его повторило несколько раз эхо, а из кустов послышался подозрительный шорох.

Данька испуганно выхватил пистолет и, раздвинув упругие ветки, увидел труп наполовину обглоданного небольшого животного, от которого в разные стороны побежали похожие на земных крыс существа. Мальчик подошел ближе, разглядывая тушку, от нее почти не пахло, а задняя часть выглядела очень даже съедобной.

Он отрезал, точнее, отпилил кусок ноги, промыл его в ямке с дождевой водой и развел костер, благо, что сухих веток было предостаточно.

Мальчик жарил мясо не очень долго, едва оно покрылось темной коркой, вонзил в него зубы, оторвал кусок и прожевал. Оно показалось ему не таким твердым, как мясо тигра, и даже нежным и приятным на вкус, возможно потому, что мальчик был очень голоден.

Данька съел весь кусок и снова полез в кусты. На этот раз, завернув мясо в широкие листья травы, засыпал сверху тонким слоем земли, а уже потом сверху развел костер и лёг умирать.

Мальчик хорошо помнил, как ему было плохо после того, как он съел мясо тигра, и ждал, что сейчас с ним произойдет то же самое. Лежал Данька долго, глядя в зеленоватое небо. Тяжесть в желудке понемногу исчезла, осталась только слабость, но она могла быть вызвана и просто усталостью. Солнце пригревало, от травы и его одежды шел пар, мальчик и не заметил, как заснул.

Проснулся Данька поздно вечером, когда солнце уже исчезло за горами и подул холодный ветерок. К собственному удивлению, он был живым и здоровым. Он вымылся, напился воды, чувствуя, что кожа на лице болезненная и горячая оттого, что обгорела на солнце.

Охая от боли, мальчик вернулся к своему костру, разгреб золу и вытащил мясо. Оно было горьким от травы, но мягким и вкусным. Данька съел половину, оставив вторую на утро. Потом набрал сухих веток и снова разжег костёр.

– Мамочка, я все еще жив, – прошептал он языкам огня. – Мне плохо, тяжело и одиноко…

В кустах послышалась возня, крысы дрались за останки животного, но скоро шум стих, и из кустов донеслось чье-то довольное чавканье.

– Надеюсь, что вы не захотите меня съесть, когда я буду спать, – пробормотал мальчик, укладывая под руку пистолет.

Ночью ветер усилился. Данька жался к костру, но дрова уже прогорели, а искать топливо в кромешной тьме было бессмысленно, да и очень страшно. Звезды казались какими-то тусклыми, и их постоянно застилали тучи.

Мальчик продрожал всю ночь от холода и, едва дождавшись рассвета, быстро съел мясо, забросил рюкзак за спину и зашагал вперед.

Тропа снова пошла вверх. Данька с яростью полез по склону для того, чтобы согреться. На середине подъема вспотел, но холодный пронизывающий ветер на вершине снова заставил его дрожать.

Скоро он вышел на очередное плато, здесь было еще холоднее, но мальчик, стиснув зубы, шел дальше, хоть уже давно не понимал, зачем и куда он идет.

В конце плато тропа снова резко ныряла вниз. Здесь Данька остановился, услышав крадущиеся шаги за спиной. Он вытащил, пистолет, прижался к скале и оглянулся.

Большой серый камень, мимо которого он только что прошел, раздвоился. Мальчик снял пистолет с предохранителя и прицелился, но тут из-за туч выглянуло солнце, и он увидел, что за ним идет волчица, а вслед за ней другие волки. Самка толкнула его головой, и Данька сразу повеселел.

– Вы зачем меня бросили? Я уже думал, что вы ушли навсегда.

Волчица фыркнула.

– Ну и не отвечай. Все равно я рад, что встретил вас.

Самка пошла вперед.

Мальчик двинулся было за ней, но один из волков заступил перед ним на тропу и предостерегающе зарычал. Данька остановился.

– Ты не хочешь, чтобы я шел с вами? Тебе не нравится?

Волчица вернулась, подтолкнула мальчика вперед и негромко зарычала, оскалив клыки. Волки неохотно расступились, давая ему дорогу.

– Жалко, что вы говорить по-человечески не умеете, – вздохнул мальчик. – С вами, конечно, спокойнее и не так одиноко, только немного скучно.

Тропа пошла вниз, волки, тормозя всеми четырьмя лапами, осторожно спустились вниз, за ними волчица, а потом Данька. На ногах он не удержался и скатился на спине, поднимая тучу пыли. Звери презрительно взглянули на него.

– Вам хорошо, у вас четыре лапы, а на каждой когти, у меня всего две ноги, да и те в сапогах, – стал оправдываться мальчик. – А у них подошва скользкая.

Но волки уже скрылись в зарослях.

Мальчику, чтобы не отстать, пришлось пробиваться сквозь кусты, и уже через полчаса он был весь в царапинах иг крепких длинных шипов.

Тропа после длинного пологого спуска вывела их к лесу. Здесь почва была мягкой, покрытой толстым слоем сгнивших растений. Стоял густой зеленоватый сумрак, потому что лучи солнца не могли пробиться сквозь густую темную листву.

Волки шли медленно и осторожно, постоянно принюхиваясь, шерсть у них приобрела зеленый оттенок, и уже в нескольких шагах их было невозможно увидеть.

Звери двигались бесшумно, а под ногами у мальчика постоянно трещали полусгнившие сучья и чавкала полужидкая грязь. Волчица после очередного громкого треска подошла к нему и недовольно взглянула в лицо желтыми глазами.

– А что я могу сделать? – шепотом спросил мальчик. – И так стараюсь идти тихо, только у меня не получается.

Самка неодобрительно мотнула головой и пошла с ним рядом, толкая каждый раз в сторону, когда видела ветки под ногами. И понемногу, особенно тогда, когда глаза Даньки привыкли к этому сумрачному свету, он пошел так же бесшумно, как и звери.

На широкой поляне волчица остановилась. Волки исчезли в кустах, а вернувшись, притащили в зубах небольшое животное и бросили под ноги мальчику.

– Это мне?

Волчица кивнула, и Данька стал разделывать тушу. Он вырезал для себя самые, как ему показалось, аппетитные места, а то, что осталось, предложил волкам. Они съели и снова исчезли в зеленом сумраке.

В лесу все пропиталось влагой после вчерашнего дождя. На деревья лезть не хотелось, в конце концов мальчик решил, что сможет разжечь и мокрые сучья.

Самка настороженно наблюдала за ним, а когда мальчик поднес спички к веткам, выбила их лапой у него из рук.

– Я не ем сырую пищу, – обиженно произнес Данька. – Зачем ты мне не даешь развести огонь?

Волчица брезгливо отбросила коробок к рюкзаку. Мальчик вздохнул. Есть ему хотелось, и даже очень. Он взглянул на мясо и снова потянулся за спичками, но самка зарычала, обнажив большие острые клыки. Данька даже расплакался от обиды.

– И зачем я только с вами пошел? Был бы один, смог бы развести костер. А теперь умирай с голода.

Волчица подтолкнула к нему тушку.

– Ну вот ты еще и все испачкала, а тут и воды нет, чтобы вымыть, – огорченно пробормотал мальчик.

Он поднял мясо, нарезал его тонкими длинными полосками, посолил и засунул в рот. Мясо было невкусным, жилистым и кровянистым. Но Данька ел, а самка пристально и недовольно смотрела на него. Он съел всего несколько кусочков, потом его стошнило.

– Ну вот теперь я умру. Ты этого хотела?

Волчица легла на землю, выбрав сухое место, и закрыла глаза. Мальчик устроился с ней рядом, понемногу желудок успокоился, в нем стало горячо. Данька прижался к волчице, чтобы было не так одиноко умирать, но самка вскочила на ноги, возбужденно рыча.

– Что еще? Неужели нельзя просто поспать?

В кустах рядом послышался подозрительный шорох, мальчик встал и вытащил пистолет. Волчица неожиданно заскулила. А на них сверху с деревьев стали падать какие-то мягкие мохнатые комочки. Казалось, что идет самый настоящий дождь.

Мальчик поймал один из них в руку – комочек был шелковистым, мягким и теплым – и решил, что это куски чьей-то шерсти. В его ладони тот неожиданно раскрылся, превратившись в большого жука с мощными челюстями. Укус оказался настолько болезненным, что Данька подпрыгнул на месте и громко завопил.

Приземлился он уже на ковер из насекомых, его сразу вновь укусили, несмотря на сапоги и плотный комбинезон. Волчица закрутилась на месте, разбрасывая жуков лапами и хвостом, но тут же жалобно завизжала и бросилась в кусты.

Данька помчался за ней, сбрасывая с себя насекомых, продолжающих падать с верхушек деревьев. Укусы следовали один за другим, он кричал от ужаса, уже. даже не надеясь на то, что им удастся спастись.

Самка прибавила ходу, выскочила на большую поляну и с размаху бросилась в лесной ручей. Данька плюхнулся вслед за ней и тут же погрузился с головой в холодную воду. Насекомых унесло течением, а они еще долго сидели в ручье, не решаясь выйти на берег.

Мальчика трясло от страха, да и волчица, похоже, чувствовала себя не лучше. Прошло довольно много времени, прежде чем она вышла на берег, продолжая повизгивать от боли.

Данька прислушался к себе и понял, к своему удивлению, что чувствует себя не так уж плохо. В желудке уже не бурлило, на коже там, где его укусили насекомые, расплывались багровые пятна, которые начинали зудеть.

Самка к чему-то прислушалась и двинулась к кустам. Дойдя до них, она остановилась и, повернув голову в сторону мальчика, негромко зарычала.

Данька поплелся за ней, оставаться одному в таком густом и опасном лесу ему не хотелось.

Волчица побежала мелкой трусцой. Впереди послышалось громкое рычанье. Они выскочили на небольшую поляну, по которой метался огромный лохматый зверь с длинными тонкими рогами.

Волки не давали ему скрыться в кустарнике, преграждая дорогу и яростно рыча. Заметив самку, они напали на оленя сразу с двух сторон. Данька полез в кобуру за пистолетом, но волчица, обернувшись, недовольно фыркнула, и он понял, что стрелять почему-то нельзя.

Самка рванулась вперед, выбрав момент, когда зверь бросился к одному из волков, вскочила ему на спину и впилась зубами в загривок.

Раздался громкий и отчаянный рев, олень бросился к кустам, но добежать ему не удалось.

Еще раз, взревев на этот раз как-то печально, он упал и больше не шевелился, только его ноги продолжали судорожно вздрагивать. Волки, не обращая на это внимания, рвали его живот, вытаскивая и пожирая внутренности.

Данька вздохнул и отвернулся, видеть ему это не хотелось.

Когда звери наелись, волчица подтолкнула Даньку к туше.

– Я не хочу есть. Меня тошнит.

Самка выгрызла кусок мяса и положила Даньке на руку, туда, где уже вспухал большой волдырь от укуса насекомого.

– Зачем ты это делаешь?

Волчица фыркнула, и мальчик каким-то невероятным образом понял, что сырое мясо снимет боль. Он нарезал себе полос из мяса, обложил ими руки и ноги и лег на землю, а волки продолжили свою трапезу. Быстро темнело, скоро уже ничего не было видно, только в темноте слышались чавканье и хруст перегрызаемых костей.

Данька так и задремал под эти звуки.

Ему даже приснился какой-то хороший сон, пока его не толкнула в бок волчица. Он недовольно поднялся.

– Я еще не выспался. Чего ты хочешь?

У мальчика слипались глаза, да и чувствовал он себя неважно.

– Пить хочу, и умыться тоже не помешало бы, да и комбинезон грязный, его постирать надо.

Волчица отвернулась и направилась к кустам, и мальчик так и не понял, услышала она его или нет.

К полудню, когда солнце встало прямо над головой, они вышли на берег реки. Здесь волки остановились, Данька напился, набрал воды во фляжку и постирал одежду. Он разложил комбинезон на красной траве и решил искупаться.

Но самка преградила ему путь, мальчик было рассердился на нее, но тут услышал впереди громкий всплеск, на его глазах огромное темное тело с множеством щупалец вылетело из воды и снова исчезло в глубине.

Волчица стала подталкивать его к лесу, настороженно поглядывая на реку. Мальчик натянул сырой комбинезон, забросил рюкзак за спину и поднялся по откосу. Он оглянулся, услышав приглушенный рев, и увидел, как на противоположный берег выходит огромное животное, чем-то похожее на слона с гигантскими бивнями и хоботом.

Данька замер, это было необычайно красиво – широкая река со сверкающей в свете солнца водой и зверь, гигантский и величественный. Слон, войдя по колено в воду, опустил хобот и стал пить, сопя и фыркая. Он понемногу продвигался, заходя все глубже в реку, но

как только его живота коснулась вода, из нее вылетели длинные щупальца и потянули зверя в глубину.

Животное яростно затрубило и рванулось к берегу, но когда щупальца оплели его ноги, он упал и больше уже не поднялся. А потом всю тушу утянуло в глубину, а вода покраснела от крови.

Данька дальше смотреть не стал и помчался к лесу, волки бежали рядом, и мальчик знал, что они испуганы не меньше, чем он.

В кустах самка преградила ему дорогу, волки тут же легли на землю, настороженно прислушиваясь к шумам ночного леса. Данька привалился к волчице и закрыл глаза, но заснуть ему не удалось. Рядом раздался такой громкий рев, что сразу стало ясно, недалеко охотится какой-то очень большой хищник. Услышав рык, волки пригнули головы к земле, недовольно чуть слышно ворча.

Только под утро, когда все затихло, мальчик сумел заснуть, но тут же проснулся оттого, что волчица толкнула его в бок.

– Когда ты мне дашь наконец выспаться?

Самка, не слушая его, вылезла из кустов, принюхиваясь и оглядываясь по сторонам.

– Куда мы идем?

Ответа он конечно же не услышал. Волки ушли вперед, Данька побрел за ними. Все, что сейчас с ним происходило, казалось ему каким-то непрекращающимся кошмаром. Болели руки и ноги от укусов насекомых и царапин, тело покрылось многочисленными ранками и ссадинами, он был голоден и хотел пить.

Волки шли быстро, не обращая внимания на разбегающихся перед ними мелких животных, так что мальчик с трудом поспевал за ними. Волчица недовольно ворчала и подталкивала его в спину.

К полудню, когда багровое солнце зависло в верхней точке зеленоватого неба, звери остановились, возбужденно принюхиваясь.

Когда мальчик подошел к ним, то сразу понял, что их насторожило. За кустами виднелась просека, пробитая какой-то тяжелой техникой. Она была не очень широкой, волки могли бы преодолеть ее в один прыжок. Две колеи, оставленные гусеницами, тянулись в глубину леса, а по бокам валялись поваленные деревья и раздавленные кусты.

Волчица принюхалась, поворачивая голову из одной стороны в другую, потом решительно побежала по просеке. Идти здесь было значительно легче, не мешали кусты и деревья, да и в колее утрамбованная гусеницами земля не проваливалась под ногами. Пройдя пару сотен метров, волки остановились, возбужденно рыча.

Когда мальчик к ним приблизился, он почувствовал запах тления и увидел двух мертвых животных, лежащих у поваленных кустов. Они были покрыты костяными наростами, прикрывавшими спину и грудь, на мощных лапах виднелись кривые когти, а из пасти торчали огромные клыки.

Звери были убиты каким-то очень мощным оружием, которое буквально разорвало их на части. Волки, настороженно оглядываясь, обнюхивали останки. Есть они этих зверей не стали. Самка недовольно фыркнула и подтолкнула Даньку вперед.

– Чего ты хочешь? Чтобы я шел дальше один?

Волчица посмотрела на него, и мальчику показалось, что она чуть кивнула.

– Но я не хочу, мне страшно…

Самка облизала ему лицо шершавым языком и отвернулась. Мальчик прошел пару десятков шагов и оглянулся. Волки настороженно глядели на него. Идти за ним они не собирались. Данька повернул было назад, но волчица зарычала, показав острые клыки.

– Снова бросаете меня, да? – обиделся мальчик. – А я поверил в то, что мы друзья…

Волчица презрительно фыркнула, и Данька пошел мрачно вперед.

– Ну и ладно. Пусть я умру, раз никому не нужен. Наверняка же впереди что-то страшное…

Просека свернула, и мальчик увидел перед собой человеческое поселение, выстроенное у огромной горы, уходящей своей вершиной за облака. Оно было огорожено высоким забором из металлической сетки, на столбах зловеще поблескивали красными огоньками автоматические пушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.